

18+

ПЕТР НИКИТИН

ПРОФЕССИЯ:
разгадывать
криминальные
тайны

Пётр Никитин

**Профессия: разгадывать
криминальные тайны**

«Издательские решения»

Никитин П.

Профессия: разгадывать криминальные тайны / П. Никитин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-628158-5

Путь от преступления до наказания, который регулярно проходит следователь, нередко труден и долг. Автор показывает это на примере Алексея Горового, избравшего работу следователя своей профессией. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-628158-5

© Никитин П.
© Издательские решения

Содержание

О неисполненной клятве Гиппократата...	6
Командировка в Арсентьевск	34
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Профессия: разгадывать криминальные тайны

Пётр Никитин

© Пётр Никитин, 2024

ISBN 978-5-0062-8158-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О неисполненной клятве Гиппократа... И не только о ней

1985 год не баловал Емельяновскую область погодой.

Прошедшая зима одолевала сильными ветрами, из-за которых даже небольшой, двадцатиградусный, морозец ощущался крепким – что уж говорить, когда он давил за тридцать...

А наступившее лето выдалось небывало жарким. Строителям и земледельцам, вынужденным проводить световой день под палящим солнцем, можно было только посочувствовать.

Людям старшего поколения с их возрастными проблемами сердечно-сосудистой системы в это лето тоже приходилось не сладко...

... Четвёртого июля в десять утра солнце уже пригревало, будь здоров. Но в кабинете следователя прокуратуры Веденеевского района летний зной пока не ощущался – окна выходили на теневую сторону, а две распахнутые форточки создавали небольшой сквозняк.

Хозяин кабинета, Алексей Горовой, склонясь над небольшой, но мощной стационарной лупой, внимательно рассматривал записи в раскрытом дипломе. Документ принадлежал руководителю гидростроительной ПМК Савельеву Геннадию Павловичу, дело о воровстве и должностных злоупотреблениях которого расследовала сейчас районная прокуратура. Некоторые из работников ПМК, изблщивавших Савельева, высказали следователю свои сомнения в наличии у начальника высшего строительного образования – слишком часто тот допускал в работе дилетантские ляпы. Горовой изъяс савельевский диплом, он был выдан Иркутским политехническим институтом, и направил в институт соответствующий запрос. Вчера из Иркутска пришёл ответ: Савельев среди выпускников вуза и получателей дипломов не числился. И вот теперь Горовой изучал «липовый» документ, чтобы определиться с направлениями своих дальнейших поисков. Если на нём обнаружатся следы подчисток, травления старых записей с внесением новых – это одна история, требующая искать областных криминальных умельцев. Если следов подделки не обнаружится, значит, кто-то из сотрудников Иркутского политехнического института, имеющий доступ к бланкам дипломов – документам строгой отчётности, незаконно заполнил один из них на имя Савельева. Это будет совсем другая история, и искать её концы придётся в другом регионе... Конечно, подделка документов – малозначительное преступление, «вшивота» (выражаясь оперским языком), на которую жалко тратить много времени. Но за этой мелочью мог скрываться и более серьёзный криминал – подкуп должностного лица за оформление и выдачу «липы».

Дверные петли негромко скрипнули, и в кабинет следователя бочком, не захотев отворять вторую створку, вошёл прокурор района Курзенков. Вслед за ним в дверном проёме показалась женщина средних лет... с заплаканным лицом.

– Алексей Петрович, – обратился Курзенков к следователю. – Отложи на время текущую работу, требуется составить протокол принятия устного заявления. У Ирины Михайловны несколько дней назад умерла мать, проходившая курс лечения в стационарном отделении нашей центральной районной больницы. Так вот, Ирина Михайловна считает, что смерть матери находится в причинной связи с бездействием медицинских работников, которые, по её мнению, несвоевременно госпитализировали больную, не обеспечили ей должное лечение в стационаре.

– Хорошо, Роман Александрович, я всё сделаю, – сказал Горовой. – Вас, Ирина Михайловна, попрошу присесть. Сейчас я проведу на столе небольшую приборку, и вы мне расскажете о своей беде.

– Не забудь зарегистрировать заявление у Раисы Семёновны. Тебе же и проводить по нему проверку, – напомнил прокурор перед уходом.

Следователь убрал в шкаф штатив с лупой, позаимствованный на время в РОВД, запер в сейф диплом Савельева и, наконец, опустился на стул.

– Примите мои соболезнования, – сказал он. – Прошу рассказать мне подробно, кто вы и что заставило вас прийти в прокуратуру.

– Я местная, родилась и выросла в Веденеево. Сейчас живу с семьей в Мурманской области, – начала свой рассказ заявительница. – Моя мама, Будько Вера Васильевна, воспитывала меня одна. В девичестве у меня была фамилия, как у неё, сейчас ношу фамилию мужа, офицера-подводника – Красикова. Неделю назад мне пришла телеграмма от родственников, извещавших о маминной смерти. Я взяла на работе отпуск без содержания и прилетела сюда. Из медицинской справки и свидетельства о смерти, выданного в ЗАГСе, узнала, что причиной смерти явился разрыв миокарда. На похоронах было много народу: родственники, соседи, мои и маминны знакомые. Некоторые из присутствующих на похоронах прямо винули в маминной смерти врачей райбольницы, утверждая, что медики долго не хотели её госпитализировать, не смотря на признаки инфаркта, а, поместив, в конце концов, в одну из палат терапевтического отделения центральной больницы, никакого внимания не уделяли. Маме было всего шестьдесят девять лет. Я хочу, чтобы врачи, виновные в её смерти, были строго наказаны. Мама была для меня всем на этом свете... – Красикова расплакалась.

– Как я вас понимаю. Нас тоже мама в одиночку воспитывала... Плакать не нужно, слезами вашу маму уже не вернуть.

– Извините за слёзы... жалко маму... жалко себя. И обидно за маму, она не заслужила такого чёрствого к себе отношения. Как тут сдержишься?

– Надеюсь, вы далеки от мысли, что я прямо сейчас вскочу на коня и совершу сабельный наскок на районную больницу, рубя головы направо и налево? У меня несколько иные полномочия, чем у кавалериста. Я должен провести тщательную проверку вашего заявления. Это кропотливая работа, не на один день. Если в действиях кого-либо из медработников будут усмотрены признаки преступления, то я обязан буду возбудить уголовное дело и расследовать его, потом направить дело в суд, а уже он воздаст каждому по его заслугам.

– Я человек образованный и всё понимаю, – грустно произнесла Красикова. – Вчера я ездила в областной центр, ходила на приём к заведующему здравотделом облисполкома, подала ему письменную жалобу на врачей. Почти весь вчерашний день я провела в дороге, времени для раздумий было предостаточно – меня одолевали и одолевают мысли, что у медработников везде круговая порука, что я не добьюсь справедливости в облздравотделе. Эти опасения заставили меня пойти к прокурору.

– Мне для работы будет важен каждый документ, имеющий отношение к госпитализации вашей матушки, её лечению, смерти, поэтому мне от вас потребуются свидетельство о смерти и ответ облздравотдела после его получения, – сказал следователь. – Я сделаю с них заверенные копии и верну.

– Хорошо, вы получите эти документы.

– У меня могут возникнуть к вам дополнительные вопросы. Как долго вы планируете находиться в Веденеево?

– Не больше двух дней.

– На тот случай, если будет возбуждено уголовное дело, мне важно знать, кого признавать потерпевшим, лично вас или кого-то из ваших родственников?

– Конечно же, меня.

Алексей, провожая Красикову, предупредительно распахнул перед ней дверь, намереваясь также выйти на крыльцо и глотнуть свежего воздуха – принятие заявления заняло немало времени.

– У вас взгляд доброго человека, хочется верить в вас, – произнесла женщина, глядя в его глаза.

– Я вовсе не добряк, всего лишь стараюсь быть справедливым по отношению к людям. Пообещать вам могу только одно – то, что честно выполню свою работу... А там уж, что проверка покажет.

Разбираться с казусами врачебной деятельности Горовому ещё не доводилось. Ни с простыми, ни с замысловатыми.

Алексей получил диплом Емельяновского государственного университета по специальности «правоведение» с присвоением квалификации юриста пять лет назад, тогда же был принят на службу в органы прокуратуры.

Однако первые три года после того, как учёба на юрфаке осталась за кормой, ему суждено было выполнять надзорную работу в должности помощника районного прокурора. Всё это время следственная работа, о которой мечталось со школьных лет – с той самой поры, когда в его девятый «а», на классный час, посвящённый вопросу профессиональной ориентации, был приглашён следователь районной прокуратуры, поведавший старшеклассникам о сути и некоторых подробностях выполняемой им работы, – по-прежнему оставалась лишь в мечтах.

Тому были свои причины.

В Союзе уже около десяти лет действовало положение о персональном распределении молодых специалистов, утверждённое Министерством высшего и среднего специального образования, согласно которому выпускник вуза обязан был отработать три года по месту его распределения. Емельяновский государственный университет не был исключением из правил, и за полгода до вручения дипломов выпускной курс юридического факультета (чуть более шести десятков человек) был поочерёдно приглашён на заседание специальной комиссии, весьма представительной, решавшей вопросы персонального распределения. «Покупатели» на новоиспечённых юристов прибыли из разных регионов Союза. Свои заявки они прислали в университет заблаговременно. Основная масса заявок поступила от правоохранительных органов, требовались также юрисконсульты на предприятия, преподаватели права в учебные заведения, ну и, конечно, судейские работники, адвокаты.

Принцип распределения молодых специалистов был предельно прост: чем больше баллов ты набрал за свою успеваемость и общественную деятельность, тем больший выбор тебе предоставлялся по вакантным должностям, заявленным организациями. У Горового показатели успеваемости были приличными, и набранных баллов хватило на то, чтобы оказаться в списке претендентов на имеющиеся в Емельяновской области вакансии следователей районных и городских прокуратур.

Спустя пару месяцев на факультетской доске объявлений появилось распоряжение декана, обязывающее всех без исключения выпускников пройти углубленное медицинское обследование в поликлинике областного УВД (студенты назвали его «офицерской» медицинской комиссией). Никаких разъяснений на этот счёт от декана не последовало. На факультете со скоростью лесного пожара распространились толки о том, что по некоему указанию обкома партии итоги предварительного распределения будут переиграны с целью максимального укомплектования штатов милицейского следственного аппарата области.

Горовой, чувствуя в мутных телодвижениях деканата подвох и угрозу для своих планов, проходить медицинскую комиссию не стал.

За несколько дней до вручения дипломов выпускники были приглашены на окончательное распределение. Горовой просидел у дверей аудитории, в которой заседала комиссия, несколько часов. В этот раз его пригласили в числе последних. «Рулил» ходом заседания декан факультета Абласов.

– Потрудитесь объяснить нам, Алексей Петрович (с недавних пор преподаватели взяли за привычку называть пятикурсников коллегами и именовать не иначе, как по имени-отчеству), почему вы не значитесь в списке лиц, прошедших медицинскую комиссию? – сведя нахмуренные брови к переносице, спросил он. – Вы считаете себя умнее других?

– Все нет! – возразил Алексей. – Я всего лишь стремился не дать вам повода отправить меня общим чохом на службу в МВД. Я не для того пять лет корпел над учебниками, чтобы расследовать семейные мордобои, пропажи кур и гусей...

За спиной Горового послышался негромкий шелест реплик, смешков.

– Я ещё на предварительном распределении объяснил вам, Александр Павлович, что моя цель – должность следователя прокуратуры. Я о ней давно мечтаю. После преддипломной следственной практики это моё стремление стало твёрдым и бесповоротным, – продолжал Горовой. – Для поступления на данную должность мне нет нужды проходить углубленную «офицерскую» медкомиссию, достаточно представить в отдел кадров справку о прохождении обычного медосмотра.

– Да кто ж возьмёт на работу в прокуратуру человека с такой исполнительской дисциплиной, как ваша? – не унимался, брызжа ядом, Абласов.

– С дисциплинированностью у меня всё в порядке, не зря же я два года пробыл в строю при прохождении срочной армейской службы. А что касается ситуации с медкомиссией, то в ней виноваты вы, – несколько не смущаясь присутствующих, заявил Горовой, не видевший нужды делать перед Абласовым реверансы – тремя днями ранее декан долго цеплялся к его ответу на госэкзамене, и из-за этих придирок его оценка была снижена на балл. – Вы же не сочли нужным объяснить, почему углубленное медицинское обследование должны проходить все выпускники, а не те из нас, кто стремится в МВД. Мне тоже требовались ваши разъяснения, для уверенности в том, что медицинский документ о моей пригодности к службе в органах внутренних дел не навредит моим личным планам относительно трудоустройства в прокуратуре.

– Минус вам, как человеку, стремящемуся на государственную службу – ваши личные интересы превалируют над государственными, – ловко перевёл стрелки на другую тему Абласов.

– Сейчас вопрос стоит о моём трудоустройстве. При чём здесь личное, при чём общественное? Я что, не вправе выбрать работу по своему усмотрению? Где вы здесь видите мой «шкурный» интерес? – начал злиться Горовой.

– Довожу до вашего сведения: для работы в органах прокуратуры решением нашей комиссии вместо вас определён другой выпускник, – объявил Горовому Абласов. – Вы же в назидание за неисполнение распоряжения деканата о прохождении медицинской комиссии отправитесь работать в районный центр Большой Улуй Красноярского края, там вас ожидает должность юрисконсульта районного потребительского общества. Представитель райпо присутствует здесь, можете побеседовать с ним после того, как комиссия завершит свою работу.

– Вы мне не поверите, но я буду работать там, где всегда хотел, – негромко сказал Алексей. – Пусть даже для этого мне потребуется покинуть пределы области. Ехать в Большой Улуй меня никто не заставит...

В аудитории повисла напряжённая тишина.

– А мне нравится этот настойчивый молодой человек... нам такие нужны... – послышался голос справа, оттуда, где вдоль стены сидели «покупатели».

Алексей обернулся, чтобы рассмотреть говорившего: это был немолодой, строгого вида мужчина с орденскими колодками на груди, в петлицах его прокурорского мундира Горовой разглядел три большие звезды старшего советника юстиции.

– Я – начальник отдела кадров прокуратуры области Красносельцев, – представился прокурорский. – Напомните мне, пожалуйста, вашу фамилию.

– Горовой Алексей Петрович, – ответил выпускник.

– Предлагаю вам, Алексей Петрович, должность помощника прокурора Балабинского района, – неожиданно произнёс Красносельцев. – Конечно, это не совсем то, чего вы хотели. Однако в недалёком будущем вы могли бы перевестись на освобождающееся место следователя. В пределах одного учреждения сделать это не сложно. Гораздо сложнее перейти к нам из МВД – у нас с областным УВД заключено соглашение, по которому обе стороны приняли на себя обязательства не переманивать друг у друга кадры... Разумеется, вам придётся пройти годичную стажировку, в течение которой будет выплачиваться голый стажёрский оклад в сто тридцать рублей, а уже после аттестации и присвоения классного чина вам станут выплачивать денежное содержание со всеми причитающимися надбавками. Соглашайтесь! В Балабинске активнее, чем где-либо, ведётся жилищное строительство, и вы, как молодой специалист, сможете быстро получить жильё...

– Я согласен! – сказал Горовой.

Абласов спорить с ветераном прокуратуры, похоже, было не с руки. Он молча, внешне спокойно, проглотил сюрприз Красносельцева. Но Горовому по знакомым ему признакам – наливающимся багровым цветом лицу гипертоника-декана, по приглаживающим чёлку нервными движениями левой руки с негнувшимся безымянным пальцем было заметно, что тот психует.

Вмиг припомнилось, как на втором курсе этот человек «умывал» студентов трёхсот пятьдесят второй группы на первых семинарских занятиях по государственному праву, навязывая им свои личные мировоззрения.

Среди коллег-преподавателей доцент Абласов ничем не выделялся. Может, лишь своей тягой к административным должностям (он был секретарём парткома, потом – деканом факультета). Лекции по государственному праву, которые он читал, мало кто из студентов записывал, поскольку они были нудными, что в купе с отвратительной дикцией лектора делало их трудно воспринимаемыми.

Первое семинарское занятие по вопросно-ответной форме, проводимое Абласовым в группе Горового, имело своей темой: «Понятие и предмет советского государственного права, как отрасли юридической науки».

– Кто желает отвечать по первому вопросу рассматриваемой темы? – спросил стремительно вошедший в аудиторию преподаватель. – Не вижу леса рук! Я так и не дождусь желающих? – полюбопытствовал он после некоторой паузы (группа осторожничала: новый преподаватель, мало ли какие у него в голове завихрения – проходили уже это). – Ну что ж, тогда отвечать будет староста группы.

Горовой поднялся, принялся отвечать, пересказывая учебник под редакцией профессора московского института МГИМО Лепёшкина и его же монографию. Абласов не был первым из преподавателей, кто начал опрос группы со старосты. Но зато он стал первым, кто, не удовлетворившись ответом, вкатил Горовому двойку – их у Алексея ещё не было. Это было явной несправедливостью – конечно, в выступлении не был озвучен весь спектр научных взглядов, но хотя бы лепёшкинское видение вопроса и кратко – мнение некоторых других корифеев юридической науки Горовой в своём ответе отразил.

Абласов потребовал, чтобы по тому же вопросу отвечал комсорг.

Поднялась Рассказова Зоя, старательная девушка, вчерашняя десятиклассница, выбранная группой в комсомольские лидеры за свою душевную чистоту, добросердечие и рассудительность. Ответ Зои был весьма толковым, но преподаватель считал иначе – Абласов и его оценил двумя баллами.

Следующей была вызвана профорг Надежда Кузнецова, успешная в плане успеваемости девушка. Однако и ей не суждено было заработать положительную оценку.

Видя агрессивный настрой преподавателя, студенты не решились спросить его напрямую, чего он от них добивается. А сам Абласов не спешил снизойти до разъяснений – догадай-

тесь, мол, сами. Вторые сорок пять минут академической пары он посвятил теоретизированию по теме тождественности-нетождественности понятий «государственное право» и «конституционное право». Чтобы подготовиться к очередному абласовскому семинару, Алексей отправился в читальный зал областной библиотеки, где долго и упорно, до каши в голове, штудировал научные работы авторитетных юристов Чиркина, Фарбера, Кравчука, Щетинина по новой теме. Это ему не помогло – на семинарском занятии всё повторилось: Горовой, Рассказова и Кузнецова получили за свои ответы ещё по одному «банану», других студентов группы доцент беспокоить не стал.

Преподавательские шарады заставили нервничать, крепко задуматься.

– Тут одно из двух: или мы конченные тупицы, или он чокнутый, – воскликнула в сердцах Надежда Кузнецова, когда после занятий троица осталась в одной из университетских аудиторий. Требовалось обсудить создавшееся положение – ведь так можно было лишиться стипендий и остаться при минимальных средствах к существованию (группа по своему происхождению была на удивление однородной – пролетарской, а заниматься на первых курсах подработкой ещё никто из них не рисковал).

– Может быть, имеет смысл сходить к Абласову на кафедру и в лоб спросить, чего ему от нас нужно, – предложил Алексей.

– Ну да! Чтобы этот придурок на нас ещё больше разозлился? – заопасалась Кузнецова, хотя и не была заячьей породы.

– А я уверена, что нам надо попытаться отвечать Абласову по тексту его лекций, – сказала Зоя Рассказова.

– Правильные слова говоришь! Да только, где ты их возьмёшь? – прищурился Горовой. – Ты знаешь кого-нибудь с курса, кто умудряется подробно записать его лекции?

– Знаю. Я вчера разговаривала с Валентиной Баженовой, студенткой из третьей группы. Она постарше нас, до поступления в университет проходила курсы стенографисток и умеет при помощи специальных знаков и разных сокращений записать любую, даже самую быструю речь. Валентина пообещала мне через два-три дня перевести на доступный язык все свои стенографические записи абласовских лекций.

На том они и порешили.

А несколько дней спустя Горовой изучил полученные конспекты лекций, переварил их в своей голове и понял, что ничего своего, собственно абласовского, в них не было: некоторые взгляды были заимствованы у саратовской профессуры, некоторые – у томской.

Уже на следующем семинарском занятии ключ к решению проблемы, созданной зловредным преподавателем, был найден. Студенты начали бойко оперировать в своих ответах удобными доценту научными концепциями, дефинициями, терминами. Некоторые из одногруппников, вроде Олега Колебанова, бравируя отменной памятью, не стеснялись цитировать целые фрагменты абласовских лекций.

А что Абласов?.. Он млел от удовлетворения...

Чтобы ничего важного ненароком не было упущено, необходимо было выработать план проведения доследственной проверки заявления Красиковой, проще говоря, требовалось очертить круг неотложных действий и определиться с последовательностью и сроками их выполнения.

Алексей отдавал себе отчёт в том, что он не первый и далеко не последний на этом пути, что корифеями криминалистики давно выработан алгоритм действий при распутывании подобных дел, и что на его месте глупо «изобретать велосипед».

Он тщательно перебрал имеющиеся в книжном шкафу методические рекомендации по расследованию отдельных категорий преступлений, рассылаемые время от времени на места областной прокуратурой, а также сборники следственной практики, издаваемые Прокуратурой

Союза. Ничего подходящего не нашёл и понял, что рассчитывать придётся лишь на собственные мозги да на опыт прокурора.

Это обстоятельство его не смутило, лишь заставило подобраться, мобилизоваться внутренне. Доводилось начинать работу по криминальным историям с ситуаций и похуже, типа «пойди туда – не зная куда, найди то – не зная что». Здесь же было более или менее понятно, куда идти и что искать.

Поразмыслив над исходными данными, Горовой определил для себя первостепенные задачи и приоритеты.

Предстояло изъять в районной больнице необходимую медицинскую документацию: амбулаторную медицинскую карту умершей Будько Веры Васильевны, историю её болезни (медицинскую карту стационарного больного), акт патолого-анатомического исследования трупа. Провести изъятие требовалось в безотлагательном порядке, чтобы она, документация, чудодейственным образом не испарилась из медучреждения, не растворилась и не сгорела.

Следовало определить круг медицинских работников, имевших касательство к истории развития болезни Будько и её лечению, получить их письменные объяснения.

Требовалось также опросить соседей умершей и женщин, лежавших с ней в одной палате терапевтического отделения больницы.

Перед тем, как выехать в райбольницу, Горовой доложил о своих планах прокурору, получил его одобрение. С формальной точки зрения в этом не было необходимости. Но это лишь на первый взгляд. Предстоящая следователю проверка не была заурядной. Случись у него какие-то неувязки и огрехи, главный спрос руководство прокуратуры области учинит с Курзенкова, как с лица, надзирающего за следствием. К тому же в коллективе районной прокуратуры сложился деловой, но в то же время доброжелательный и доверительный микроклимат – Роман Александрович был руководителем требовательным, однако же никогда не повышал на подчиненных голос, не переходил на ор или непечатную лексику, по одному лишь удручённому взгляду шефа сотрудники начинали понимать о случившихся незадачах. Доверие – оно дорогого стоит, и Горовой приучил себя быть в принимаемых решениях и действиях прозрачным и понятным прокурору.

Придя в районную больницу, Горовой направился в кабинет заместителя главного врача по медицинской части Черновой Екатерины Николаевны. Именно начмед Чернова отвечала в больнице за решение медицинских вопросов, главный врач ведал вопросами организационными. Чернова находилась на рабочем месте. Она внимательно выслушала требование следователя о выдаче документов, не выказав при этом ни малейшего удивления. Видимо, была искушённым человеком, к тому же достаточно проницательным, чтобы предвидеть подобное развитие событий.

– К сожалению, не сможем предоставить вам историю болезни Будько. Не далее, как вчера, она была направлена в Емельяново по телефонному запросу облздравотдела, куда обратилась с жалобой дочь умершей. Амбулаторную карту и акт патолого-анатомического исследования наши сотрудники сейчас принесут, – сказала Чернова, беря в руки трубку модного телефонного аппарата – миниатюрного, оригинальной приплюснутой формы и необычной яркочерной окраски, Горовой таких раньше не встречал.

– Понятно. Попрошу вас, Екатерина Николаевна, поставить меня в известность, когда история болезни вернётся к вам. Мне без неё никак не обойтись.

– Будько перед госпитализацией вызывала на дом «неотложку». Вам, вероятно, потребуется сигнальный талон «скорой помощи»? В нём указывается время выезда к больному, установленный диагноз, использованные лекарства.

– Да, конечно.

Напоследок Чернова по просьбе следователя составила список сотрудников больницы, участвовавших в той или иной степени в оказании медицинской помощи больной Будько.

Разумеется, в список попали лишь те лица, о которых было известно Черновой. А знала она, по убеждению Горового, не мало. Возможно даже, проводила в коллективе «разбор полётов» по факту смерти Будько.

Прощаясь, Горовой предупредил Чернову о том, что несколько позже начмеду предстоит дать ему свои письменные объяснения.

Вернувшись в прокуратуру, следователь принялся изучать изъятые документы.

Из амбулаторной медицинской карты он почерпнул сведения о том, что при жизни Вера Васильевна Будько страдала сахарным диабетом, гипертонией.

Из протокола вскрытия трупа Будько, составленного патологоанатомом, следовало, что причиной смерти явилась тампонада сердца в результате разрыва миокарда.

Изученные документы изобиловали специфической медицинской терминологией. Смысл многих терминов был для Горового малопонятным. Следователь педантично выписал эти слова в рабочий журнал, а затем позвонил директору медицинского училища, своему доброму знакомому, и получил его разрешение на то, чтобы поработать в читальном зале училища.

После внимательного знакомства с медицинской справочной литературой в его рабочих записях значилось:

Инфаркт миокарда – это одна из форм ишемической болезни сердца, при которой происходит необратимое изменение участка сердечной мышцы. Гибель мышечной ткани происходит из-за кислородного голодания, возникающего в результате острого нарушения коронарного кровообращения. Миокард постоянно испытывает высокую потребность в кислороде, и очень чувствителен к его недостатку, поэтому прекращение или значительное уменьшение кровотока приводит к быстрому некрозу.

Ишемия – явление локального малокровия в различных органах, вызываемое сужением или закупоркой питающих этот орган артерий.

Некроз – омертвление тканей.

Миокард – это средний слой стенок желудочков сердца, который состоит из мышц и выполняет главную роль во всём организме – перекачивает кровь. Больше всего развит миокард левого желудочка, поскольку он перекачивает кровь через большее, по сравнению с правым желудочком, количество сосудов.

Тампонада сердца – это патологическое состояние, при котором происходит скопление жидкости в полостях сердца, что приводит к невозможности адекватных сердечных сокращений.

Коронарное кровообращение – циркуляция крови по кровеносным сосудам миокарда. Сосуды, которые доставляют к миокарду насыщенную кислородом и питательными веществами артериальную кровь, называются коронарными артериями.

Вооружившись некоторыми элементарными познаниями из области медицины, Горовой отправился в архив прокуратуры, где он жил. Был вечер, рабочий день закончился, одолевал голод.

Утром следующего дня Горовой начал опрашивать работников районной больницы.

Фельдшер отделения скорой помощи Жаворонкова рассказала ему, что вечером двадцать пятого июня прибыла на вызов к пожилой женщине по фамилии Будько. Больная жаловалась на головную боль, боли в сердце и плохой сон.

После осмотра Будько фельдшер пришла к выводу, что у неё гипертония. В этой связи сделала больной несколько инъекций, вскоре ей стало лучше. Когда фельдшер уезжала, с больной оставалась её соседка Чумакова, работающая педиатром. На следующий день Жаворонкова встретила Будько в коридоре поликлиники, та приходила в процедурный кабинет на уколы. Больная плохо выглядела, пожаловалась, что после уколов не сможет самостоятельно дойти

до дома. Жаворонкова взяла её под руку и завела в кабинет терапевта Крамар, объяснив ей, что выезжала на вызов к Будько, и что сейчас пациентка плохо себя чувствует.

Терапевта Крамар опросить сразу не удалось, в первой половине дня она вела прием больных в поликлинике и освободилась лишь после обеда. В ожидании её следователю Горовому скучать не приходилось, по другим его делам работы также было предостаточно.

– Я в тот день с утра принимала в поликлинике больных. Одновременно вела приём работников птицефабрики, у которых был медосмотр, они заходили через одного пациента, – рассказала Крамар. – Около полудня в сопровождении фельдшера Жаворонковой ко мне пришла пожилая женщина по фамилии Будько, которая жаловалась на боли в области сердца. Осмотрев больную, я дала медсестре Шелесовой указание сделать ей инъекцию для снятия болей. Потом в сопровождении медсестры направила больную в здание стационара для прохождения электрокардиографии. На направлении сделала пометку «Сито!» (срочно), поскольку заподозрила у неё тяжёлое заболевание – инфаркт миокарда. Спустя некоторое время позвонила в кабинет функциональной диагностики, в котором снимают кардиограммы, однако на звонок никто не ответил. Тогда я набрала номер телефона Фофановой Марины Абрамовны, заведующей терапевтическим отделением и, когда та сняла трубку, сообщила ей о больной Будько. Фофанова ответила, что у неё уже была медсестра кабинета функциональной диагностики Кандыба, по информации которой в кардиограмме Будько отсутствуют признаки инфаркта. Ещё Фофанова добавила, что Будько, видимо, беспокоят старые болезни (гипертония, сахарный диабет) и что ей следует назначить амбулаторное лечение. Вскоре из стационара вернулась медсестра Шелестова и рассказала, что больной по указанию Фофановой был введён коргликон. Когда боли прошли, Будько, узнав об отсутствии чего-либо острого в кардиограмме, ушла домой. Через несколько дней я узнала о смерти Будько, больная к тому времени была госпитализирована в терапевтическое отделение стационара с диагнозом «инфаркт миокарда». Она скончалась от разрыва некротизированной сердечной мышцы, и я поняла, что мои предположения по её заболеванию были верными.

– Уполномочена ли медсестра делать заключение по кардиограмме? – спросил следователь.

– Нет, эту работу обязан выполнять врач.

– А вот, положа руку на сердце, ответьте, всё ли вы сделали для больной Будько должным образом, как того требуют правила медицины и ваша должностная инструкция?

– Я считаю своим упущением то, что, заподозрив у пациентки острый инфаркт миокарда, не вызвала к себе медсестру кабинета функциональной диагностики с переносным электрокардиографом, а вместо этого отправила Будько на электрокардиографию в другой корпус пешим порядком. При диагнозе «инфаркт миокарда» и даже при подозрении на него больным противопоказано активное движение.

Медсестра Шелестова, работающая в районной поликлинике на приёме больных с врачом-терапевтом Крамар, ничего нового следователю не рассказала, лишь подтвердила то, что ранее он услышал от терапевта.

Была вызвана в прокуратуру и медицинская сестра Кандыба, работающая в кабинете функциональной диагностики районной больницы.

– Двадцать шестого июня около двенадцати часов ко мне на электрокардиографию пришла Будько в сопровождении медсестры Шелестовой, – рассказала она. – Больная была направлена из поликлиники терапевтом Крамар, на направлении имелась пометка врача «Срочно!». Сняв электрокардиограмму и не обнаружив в ней признаков инфаркта миокарда, я отправилась в терапевтическое отделение, чтобы доложить о больной заведующей отделением Фофановой, поскольку заболевания сердца по её части. Встретила Фофанову в коридоре, где и сообщила ей о результатах кардиографии. Фофанова смотреть больную не стала, а распорядилась, чтобы старушке в санпропускнике была сделана инъекция коргликона. Я вернулась

к больной Будько и сопровождавшей её медсестре Шелестовой и передала им на словах распоряжение Фофановой. Они ушли.

– По какому праву вы взялись расшифровывать кардиограмму Будько, делать по ней заключение? Разве это входит в ваши профессиональные обязанности? – строго спросил следователь.

– Нет, в мои обязанности входит лишь выполнение технической стороны дела. Фофанова не умеет «читать» кардиограмму, и мне ничего не оставалось, как высказать ей своё мнение по электрокардиограмме Будько, у меня имеется определённый опыт на этот счёт.

– Не помешало бы выкурить сигарету, – сказал себе Алексей, поднимаясь из-за стола и разминая затекшие колени.

Запирая в сейф собранные со стола документы, Горовой вспомнил как однажды, ещё по первому году его работы в Веденеевском районе, прокурор Курзенков жёстко поучил его в назидательных целях.

Войдя в кабинет следователя в момент, когда тот курил во дворе, и увидев на столе раскрытое уголовное дело, прокурор унёс его в свой кабинет и запер в сейф... а потом, глядя на спохватившегося следователя невинными глазами, долго отрицал, что материалы находятся у него. Алексей тогда изрядно понервничал, хотя и догадывался, что кроме непосредственного начальника уголовное дело некому было взять: в здание никто из посторонних не входил, секретарь Раиса Семёновна была человеком мягкосердечным и никогда бы себе этого не позволила, а водитель Алексей Леонтьевич, неоднократно входивший в здание и выходивший из него, был мужиком серьёзным и не склонным к подобного рода «шуткам». С той поры Алексей взял за правило: уходя из кабинета даже на несколько минут, никогда не оставлять на столе документы, а кабинет – незапертым.

Отгнав воспоминания, Горовой извлёк из выдвижного ящика стола пачку сигарет «Космос», нащупал в кармане зажигалку и неторопливо направился к выходу.

Запирая кабинет, он скользнул боковым зрением по полу... и слегка оторопел – от прокурорской приёмной через вестибюль шла двойная дорожка крупных бурых пятен крови... как если бы она хлестала из двух точек идущего к выходу человека. Гадать не требовалось, это была кровь, свежeproлитая, непросохшая – Горовой видел и перевидал её столько и в таких ракурсах, что простому обывателю не увидеть за десять жизней. Он резко поменял свои планы и направился к приёмной.

Раисы Семёновны, секретаря, на месте не было. Кровавый след вёл из приёмной в кабинет прокурора.

Не раздумывая, Горовой распахнул дверь и, пройдя небольшой тамбур, шагнул в прокурорский кабинет.

Прокурор Курзенков сидел на привычном месте, в чёрном кожаном кресле с высокой спинкой, и мирно беседовал со следователем следственного отделения РОВД Зеленским. Обстановку в кабинете Курзенкова, мягко выражаясь, нельзя было назвать привычной, нормальной. Внутреннее стекло в ближайшей от входа оконной раме было разбито (второе стекло – внешнее, за стальной решёткой – было цело), на полу под окном, ковровой дорожке и сиденье мягкого стула поблёскивали осколки стекла. На линолеуме у двери темнела лужа крови, которую половой тряпкой промокала Раиса Семёновна.

– У вас всё в порядке? – сорвался глупый вопрос с языка Горового.

– Почти, ...если не считать мелкого недоразумения, – невозмутимо ответил прокурор.

– Может быть, моя помощь требуется?

– Нет, нет! Не беспокойся, Алексей Петрович, – сказал Курзенков. – Продолжай заниматься своими делами.

Потоптавшись несколько мгновений в раздумьях, Горовой удалился.

Выйдя на крыльцо, которое также было залито кровью, Алексей увидел отъезжающий «автозак».

– Что, чёрт возьми, происходит? – крикнул он водителю.

– Придурок один решил вскрыть себе вены в прокурорском кабинете, когда его привели на санкцию, – ответил тот, притормаживая. – Мы ему наложили жгуты, а сейчас везём на перевязку в больничный санпропускник.

Горовой присел на скамейку, закурил сигарету, с удовольствием затянувшись горьковатым табачным дымом.

Не прошло и трёх минут, как на крыльце показался милицейский следователь Зеленский.

– Что за вакханалию устроил здесь твой человек? – спросил его Горовой. – Все полы нам кровью своей залил.

– Я знал, что этот Мамаев больной на голову, но что до такой степени... не мог даже предположить, – поморщился Зеленский. – В общем, история здесь такая.

Мамаев – кемеровчанин, воспитывался в детдоме. На волчью тропу встал в молодые годы, и к своим двадцати четырем годам жизни успел два раза сходить на зону: в первый раз получил срок по малолетке – за групповую кражу, второй раз – за грабёж. Свой последний срок Мамаев отбывал на строгом режиме у нас в области. Однажды ему проигрался в карты наш земляк Игорь Осокин. Долг был небольшим, но и его Игорь не мог вернуть вовремя. Чтобы Мамаев отсрочил выплату долга, Осокин решил «прогнуться» перед ним и познакомил заочно со своей младшей сестрой, фотографию которой Мамаев как-то у него увидел. Татьяна Осокина, она, девчонка красивая, нынче десятый класс закончила, «запасть» на неё молодому человеку не трудно. Её брат и сам парень видный, вот только покуражиться любит по пьяни, из-за чего уже во второй раз тянет срок по «бакланьей» статье...

– Да я его помню. В прошлом году, когда Роман Александрович ушёл в отпуск, и мне пришлось исполнять прокурорские обязанности, довелось в суде поддерживать государственное обвинение по делу Осокина. Он тогда пошёл на срок за хулиганскую выходку – на танцплощадке, ни за что, ни про что избил прилюдно приезжего парня.

– В конце прошлого месяца у Мамаева «прозвенел звонок». Он несколько дней погулевал в Чернореченске, где отбывал срок, а два дня назад междугородним автобусом приехал к нам в Веденево в расчёте на встречу с Осокиной Татьяной. Небольшие деньги, полученные при освобождении, он промотал в Чернореченске, а хотелось преподнести девушке подарки – пыль в глаза пустить, показать широту своей натуры. И надумал он разжиться деньгами у кассира нашей автостанции...

– Каким же это образом? – удивился Горовой.

– А он покрутился на автостанции, через зарешечённое окно билетной кассы, выходящее на улицу, заметил, что кассирша из-за духоты держит дверь в свою комнату приоткрытой. Вошёл к ней, ловко отвлёк разговором и незаметно вытащил сторублёвую купюру из бокового ящика стола, который был немного выдвинут, а именно в нём хранилась выручка, как успел заметить через окно Мамаев.

– Откуда только берутся такие раззявы? – покачал головой Алексей.

– Обыкновенная деревенская курица... Но она в скором времени спохватилась, заметив, что вместо трёх крупных купюр, количество которых она держала в голове, у неё неожиданно оказались лишь две. Быстро сообразила, кто виновен в исчезновении сторублёвки. Со слезами позвонила оперативному дежурному РОВД. Нашим сотрудникам, подъехавшим на автостанцию, кассир смогла описать Мамаева: рост выше среднего, короткий, не успевший отрасти, волос, рубашка и брюки чёрного цвета, так любимого бывшими «сидельцами». Опера попросили людей в центре села, и одна женщина сообщила, что видела похожего типа в универмаге. Там Мамаева и задержали. Он уже успел значительную часть похищенной суммы потратить и приобрести красивые дамские часики и золотую цепочку с кулоном. Материалы были

переданы мне, и я возбудил уголовное дело, задержал Мамаева на трое суток. Тот не отмалчивался, рассказывал кто он и откуда, к кому приехал, вот только вину в хищении денег не хотел признавать. Я, говорит, подходил к кассиру, разговаривал с ней, но денег не брал. Сегодня я предъявил ему обвинение в краже денег и...

– А почему не в грабеже? – полюбопытствовал Горовой.

– Кассир не видела сам момент изъятия купюры из ящика стола, поэтому хищение было тайным, а не открытым.

– Понятно.

– ...вынес постановление о заключении Мамаева под стражу, иначе он при первой возможности сбежит, и привёз жулика к прокурору, чтобы получить его санкцию на арест. Курзенков внимательно выслушал мой доклад по доказательствам, аргументацию необходимости ареста и сказал, что намерен побеседовать с обвиняемым с глазу на глаз, как он иногда это делает. Я, говорит, хочу понять, чего он так ломится в тюрьму, из которой только что вышел. Конвой по моей команде завёл Мамаева к прокурору, на всякий случай «забраслетил» его наручниками. Мамаев с порога запел: «Гражданин прокурор, следователь по ошибке навесил на меня недостачу кассира. Я, может быть, решил сделать девушке предложение и начать новую жизнь, а Зеленский хочет все мои планы обломать...». Мне хотелось выслушать до конца мамаевские речи, я немного притормозил, но Роман Александрович махнул рукой, мол, идите. И мы вышли в приёмную. А через несколько минут послышался звон разбитого стекла, даже через двойную дверь прокурорского кабинета он был отчетливо слышен. Мы вбежали в кабинет Курзенкова, увидели осколки оконного стекла, хлещущую из вен Мамаева кровь. А прокурор был невозмутим, как удав, словно ничего и не произошло. Он неторопливо развинтил черный пластмассовый футляр своей гербовой печати, не забыл подышать на печать, а потом тиснул её на постановление со словами: «Я санкционирую ваш арест!». Раиса Семёновна принесла медицинскую аптечку, чтобы ребята-конвоиры могли наложить жгуты на руки арестанта и остановить кровотечение. Но прокурору возня с Мамаевым, видимо, надоела и он сказал: «Уведите его!». Конвой повёл жулика к выходу, а я стал расспрашивать Курзенкова по поводу происшедшего. Он без каких-либо подробностей рассказал, что обвиняемый начал шантажировать его: мол, если не выпустите меня на свободу, то я вскроюсь. Роман Александрович ответил, что на мамаевском месте глупо диктовать прокурору какие-то условия. Тогда жульман двинул скованными руками в оконное стекло...

– А что, если Мамаев, действительно, невиновен? – прищурился Горовой. – Сам же говорил, никто не видел момент кражи.

– Что ты, Алексей Петрович, в деле неплохие доказательства, и прокурор их видел. Продавец универсама говорит, что рассчитывался Мамаев сторублёвкой. Стоимость его покупок в совокупности с оставшимися наличными деньгами составляет чуть более ста рублей, так что этот орёл приехал в Веденево с пустыми карманами. Потому и пошёл в универсам лишь после визита в кассу автостанции, – заключил Зеленский, вставая со скамьи.

– А как на всё это реагирует молодая Осокина? Ты не предоставил им возможность пообщаться?

– Я её допросил. Девушка не высказала желания увидеться с прохиндеем Мамаевым, так что зря он раскатывал губу.

В субботу Горовой работал.

Алексей решил обойти соседей умершей Будько и расспросить их по интересующим его вопросам. Суббота была для этой цели более подходящим днём недели, нежели будни – в нерабочий день больше шансов застать хозяев у себя в доме.

Сложив в кожаную папку стопку писчей бумаги и несколько ручек, проверив наличие служебного удостоверения в нагрудном кармане рубашки, следователь отправился выполнять намеченное.

Идти пришлось недолго – домик Будько располагался в центральной части Веденево, как и здание прокуратуры.

Небольшие, нарядно выкрашенные частные домостроения, ухоженные подворья, где было много цветов, ласкали глаз. «Красная линия», по которой проходили палисадники, строго соблюдалась – сельский совет за этим внимательно следил.

Непривязанных собак никто из соседей Будько в своём дворе не держал, и это радовало. С недавних пор все без исключения собаки, большие и маленькие, цепные и комнатные, вызывали у Горового чувство раздражения. Оно появилось после похожего визита – тогда его больно укусила под коленом маленькая собачонка, злобная козьявка, тьяваньку которой Алексей не придал значения, проходя мимо.

Ладить с людьми Горовой умел: важного начальника из себя не корчил, голову людям намеками, полунамеками или откровенными выдумками не морочил – этим грешат оперские, иногда по необходимости, а иногда просто, заигрываясь. Алексей откровенно, насколько это было возможно, объяснял односельчанам цель своего визита... и находил у них понимание.

К его большому сожалению большинство опрошенных семей, таких было пять-шесть, имели слабое представление об обстоятельствах болезни и смерти Будько – если что-то и знали, то с чужих слов. И всё же время не было потрачено впустую.

В числе других он нанёс визит супружеской чете Лебедевых. Немолодые супруги поведали следователю, как вечером двадцать шестого июня к ним пришла Будько и попросилась на ночлег. Соседка плохо себя чувствовала, жаловалась на боли в груди и под левой лопаткой. Говорила, что утром была в больнице, но ей отказали в госпитализации. Ближе к полуночи Будько стало совсем плохо, и Лебедев вызвал «скорую помощь». Приехавшая женщина-медик сделала соседке укол, но забрать её в больницу наотрез отказалась, ссылаясь на отсутствие мест в стационаре. На следующее утро Будько попросила Лебедеву отвести её в поликлинику к невропатологу Савенко, к которой раньше доводилось обращаться за медпомощью. Они отправились в поликлинику. ...Невропатолог освободилась лишь к обеду, она повела Будько в другой кабинет, где женщина-врач прочитала имевшуюся на руках у Будько кардиограмму и тут же выписала ей направление на госпитализацию в терапевтическое отделение. Лебедева проводила больную соседку до санпропускника, где её приняла медсестра. Вечером принесла ей в больничную палату поесть, Будько собиралась идти в столовую, пожаловалась, что врач к ней ещё не подходил...

Вернувшись на рабочее место, Горовой позвонил в санпропускник райбольницы и выяснил, что двадцать шестого июня дежурным фельдшером отделения скорой помощи была Ревякина. Номер её домашнего телефона следователь без труда отыскал в телефонном справочнике и, позвонив, пригласил женщину в прокуратуру.

– Вечером двадцать восьмого июня у вас в больнице в результате разрыва миокарда и последующей тампонады сердца скончалась Вера Васильевна Будько, а за двое суток до этого вы, как дежурный фельдшер «скорой помощи», выезжали к ней по вызову. Можете объяснить, по какой причине отказали больной в госпитализации? – спросил следователь.

– Я помню эту старушку, – сказала фельдшер Ревякина. – Двадцать шестого июня я выезжала на дом к семье Лебедевых, у которых в тот вечер находилась их больная соседка Будько. Старушка жаловалась на головные боли. Осмотрев больную, я ввела ей дибазол для понижения артериального давления, которое было у неё повышенным. Потом уехала. В госпитализации я отказала Будько потому, что не считала её положение тяжёлым, ведь терапевты, у которых она была на приёме в дневное время, не сочли необходимым класть её в стационар, о чём мне рассказала сама больная.

– Вы рассказали о жалобах Будько на головные боли, а супруги Лебедевы, которых я успел опросить, утверждают, что соседка жаловалась на боли в груди и под левой лопаткой. Что скажете?

– Я помню у Будько повышенное артериальное давление, сама его измеряла, и жалобы на головные боли. Возможно, была речь и о болях в области сердца. У меня в ту ночь был не один срочный вызов к больным, не трудно было что-то и запомнить.

– Если исходить из ваших слов, то вы не увезли Будько с собой в больницу по той простой причине, что не сочли её положение тяжёлым. Лебедевы же говорят о ваших ссылках на отсутствие мест в стационарном отделении больницы. Где правда?

– На тот момент в стационаре, действительно, не было свободных мест.

– А мне известны случаи, когда при отсутствии мест в палатах стационара, тяжелобольных располагали непосредственно в коридоре. Главное же тут, как я понимаю, чтобы больные находились под наблюдением и контролем врачей...

– Повторяю, у меня не было объективных данных, указывающих на наличие у Будько тяжёлого заболевания.

– А вы не задумывались во время выезда к Будько над тем, почему она пришла ночевать к соседям? Явно же, ей было настолько плохо, что она боялась оставаться одна.

– Я – медицинский работник, а не гадалка.

Отпустив Ревякину, Горовой отправился домой к невропатологу Савенко, семья которой, как он знал, проживала в двухквартирном доме на улице Чапаева, в трёх минутах ходьбы от прокуратуры.

– Я отниму у вас ровно пять минут, – сказал следователь невропатологу. – Не смогли бы вы подсказать мне, кто была та женщина-врач, которая по вашей просьбе расшифровала электрокардиограмму Будько Веры Васильевны?

– Ах, вот вы о чём! Это была Гамалеева Зоя Андреевна, преподаватель нашего медицинского училища, которая до вчерашнего дня на полставки подменяла терапевта Левицкую, ушедшую в отпуск.

– Странно мне, что вы не спросили, для каких целей мне нужны эти сведения, – улыбнулся следователь.

– Да вся больница уже знает о вашем расследовании... и напряглась в ожидании его результатов. Вы считаете кого-то из врачей виновным в смерти Будько?

– Я по факту смерти Будько ничего не расследую, лишь провожу проверку по заявлению её дочери. Очень возможно, что по итогам проверки будет возбуждено уголовное дело. Делать выводы о чьей-то виновности пока преждевременно – я всего лишь выясняю подробности того, как была оказана медицинская помощь Будько в связи с её кардиозаболеванием.

Утром в понедельник Горовой беседовал с преподавателем Веденеевского медицинского училища Гамалеевой, сорокалетней статной шатенкой с открытым уверенным взглядом, несколько широковатой в кости, что, однако, не лишало её привлекательности.

– Я преподаю в медучилище терапию. Пока у нас нет занятий и учащиеся находятся на летних каникулах я согласилась с предложением главного врача районной больницы подменить на полставки ушедшую в отпуск врача-терапевта Левицкую, – рассказывала Гамалеева. – Двадцать седьмого июня я вела в поликлинике приём больных. Около тринадцати часов ко мне в кабинет невропатолог Савенко привела больную Будько и попросила расшифровать её электрокардиограмму, а потом, в зависимости от результатов прочтения кардиограммы, решить вопрос о лечении этой пожилой женщины. В электрокардиограмме, которая была снята ещё в предыдущий день, я обнаружила отчётливые признаки повреждения миокарда. Тут же выписала ей направление в терапевтическое отделение райбольницы для прохождения стационарного лечения. По моему поручению медсестра сопроводила больную в стационар.

– Двумя днями ранее я беседовал с медицинской сестрой кабинета функциональной диагностики Кандыбой. Она утверждала, что не увидела в этой кардиограмме никаких признаков инфаркта миокарда, – заметил следователь.

– Что может понимать младший медицинский персонал в сложных вопросах кардиологии?

– А не смогли бы вы популярным языком объяснить мне, по каким именно признакам или признаку, вы усмотрели в кардиограмме Будько тяжёлое заболевание – инфаркт миокарда?

Гамалева ненадолго задумалась.

– Вы сомневаетесь в моей квалификации? – строго взглянув на следователя, вопросом на вопрос ответила она.

– Отнюдь нет. Мне это нужно, Зоя Андреевна, для понимания всех обстоятельств.

– Основными элементами кардиографической кривой являются: зубцы – это все выпуклости, направленные вверх или вниз; сегменты – расстояния между соседними зубцами; интервалы – отрезки, включающие в себя и зубец, и сегмент. Каждый из этих элементов отображает процесс, происходящий в сердце. Именно по их размерам, размещению относительно прямой линии, особенностям в различных отведениях врачи и могут расшифровать электрокардиограмму, – последовали терпеливые разъяснения преподавателя терапии. – Получив в руки электрокардиограмму, доктор начинает оценивать её в следующем порядке. Сначала определяет, ритмично ли сокращается сердце, проще говоря, устанавливает, правильный ли у больного сердечный ритм или нет. Затем подсчитывается, с какой скоростью бьётся сердце. По конкретным признакам определяется источник возбуждения в сердце. После этого врач оценивает проводимость сердца по длительности зубцов и сегментов, для каждого из которых существуют свои показатели нормы. Определяется электрическая ось сердца. Затем детально анализируются зубцы, сегменты и интервалы. По мере выполнения этих исследований составляется заключение. Я в кардиограмме Будько увидела возвышение одного из сегментов, визуально напоминающее кошачью спину. У медиков этот признак так и называется «кошка» или «кошачья спинка», он свидетельствует о наличии у больного повреждения миокарда.

Видимо, что-то в выражении лица следователя не понравилось Гамалеевой, поскольку она поинтересовалась:

– Вы что-нибудь поняли из моих слов?

– Стараюсь... Но вам придётся ещё один раз повторить сказанное, чуть помедленнее, чтобы я смог записать.

– Ну, если это вам требуется, то почему бы мне не повторить, – великодушно согласилась женщина.

«За два дня в стационаре и поликлинике районной больницы не нашлось грамотного специалиста, способного расшифровать электрокардиограмму тяжелобольной женщины! Гамалева не в счёт, она, человек со стороны! – со злостью констатировал Горовой. – Что это? Природная бездарность? Лень? Засосавший сельский быт, мешающий поддержанию и совершенствованию необходимых профессиональных навыков?».

В тот же день Горовой навестил на дому (можно было вызвать повесткой, но не хотелось терять время) двух женщин, Безденежных и Уварову, которые лежали с Будько в одной палате терапевтического отделения. Их данные по просьбе следователя выяснила Екатерина Николаевна Чернова, начмед больницы, установить адреса помогли сотрудники паспортного стола.

Безденежных пояснила, что с мая по июль находилась на стационарном лечении в терапевтическом отделении райбольницы по поводу гипертонии. В конце июня в палату поступила пожилая женщина по фамилии Будько, которая болезненно выглядела, непрестанно жаловалась на сердечные боли. Кто-то из медработников терапевтического отделения перед госпитализацией отправлял Будько домой за сменным бельём и средствами личной гигиены, объяснив, что за то время, пока она ходит, будет подготовлено место в палате. Будько высказывала

недоумение по этому поводу: «Гоняли меня домой, а вот терапевт из поликлиники, направившая меня в стационар, говорила, что при моём заболевании сердца противопоказаны любые нагрузки и ходьба». Тем не менее, в первый день и даже в начале второго дня врачи не запрещали больной Будько вставать с постели и двигаться по отделению. В первый день Будько самостоятельно ходила на ужин. Передвигалась она с трудом, жалуясь при этом на слабость, головокружение и боли под левой лопаткой. На следующей день Безденежных помогла соседке сходить в кабинет диагностики, где у неё сняли кардиограмму. Чуть позже заведующая отделением назначила Будько строгий постельный режим. Внимание врачей к Будько было минимальным. Вечером второго дня она умерла.

Уварова, проживающая в посёлке Мирный, который находился в восьми километрах от райцентра Веденево, подтвердила рассказ Безденежных.

В конце недели Горовому позвонила заявительница Красикова.

– Не закончили ли вы, Алексей Петрович, свою проверку? – поинтересовалась она.

– Пока не завершил, но близок к этому. Мне необходимо дождаться, когда в райбольницу вернётся история болезни вашей мамы, её отсылали в областной центр в связи с вашей жалобой.

– Жаль! А вот Емельяновский облздрав работает быстрее вас, сегодня я получила их ответ.

– Ничего удивительного, перед нами стоят разные задачи. У меня большой объём работы, многих пришлось опрашивать, а специалистам облздрави требовались лишь изучить историю болезни и, исходя из неё, дать оценку действиям медицинского персонала больницы. В облздраве, как я понимаю, проверкой занимались специалисты-кардиологи, которые учились, работали, специализировались по этой теме, а я постигаю прописные истины кардиологии по ходу проверки. И ничего тут не поделаешь, специфика работы такая: сейчас вникаю в медицинские вопросы, в предыдущем месяце изучал правила ведения жилищного строительства, а месяцем ранее – технологию производства гранулированных кормов для скота. Но это не означает, что мы не доберемся до корней в нашей с вами истории, – объяснил женщине Горовой. – Если письмо у вас под рукой, то попрошу зачитать его.

– Конечно, конечно, – согласилась с ним Красикова. – Слушайте:

...проверка проведена ассистентом кафедры терапии №2 Емельяновского государственного медицинского института кандидатом медицинских наук Баркаловой и заведующей кардиологическим отделением областной клинической больницы Ельсукковой. Проверкой установлено, что заведующая терапевтическим отделением Веденевской райбольницы Фофанова допустила халатность в отношении больной Будько. Фофанова не организовала своевременного интенсивного наблюдения и лечения больной. Двадцать восьмого июня, когда по электрокардиограмме появились признаки трансмурального инфаркта миокарда, лечение Будько так и не было скорректировано. Двадцать восьмого июня в двадцать один час сорок минут больная внезапно умерла от разрыва миокарда.

– Ну вот, а вы говорили: «Круговая порука!».

– Каюсь, я была не права, греша на людей своими несправедливыми подозрениями... А я ведь вам ещё не всё рассказала. Вместе с ответом на жалобу пришла копия приказа руководителя облздрави, которым Фофанова по итогам проведенной проверки понижена в должности: отстранена от должности заведующей отделением и переведена в рядовые терапевты.

– Какую ещё информацию вы для меня приберегли?

– Больше ничего в конверте не было. А у вас не отпала потребность в полученных мной документах? Высылать их?

– Вышлите, пожалуйста. В нашем деле действует простой принцип: чем больше по сложному вопросу собрано суждений специалистов, тем легче в этом вопросе разобраться и отыскать правду.

– Какая у вас погода? – полюбопытствовала Красикова

– Жарко, плюс тридцать один градус. А у вас?

– Плюс четырнадцать и небольшой дождь.

Выводы Емельяновского областного отдела здравоохранения, сообщённые Красиковой, не удивили следователя, они совпадали с его собственными умозаключениями.

К этому времени он успел тщательно проштудировать должностную инструкцию Фофановой и представлял себе, кто является главной действующей фигурой в терапевтическом отделении, где скончалась больная Будько. Именно в обязанность заведующей отделением вменялись организация и обеспечение своевременного обследования и лечения больных на уровне современных достижений науки и практики, осуществление систематического контроля за работой ординаторов, в том числе за правильностью поставленных диагнозов, качеством проводимого лечения. От заведующей требовалось лично осматривать поступивших в отделение больных, а находящихся в тяжёлом состоянии – в безотлагательном порядке. Закончив разговор с Красиковой, Горовой, не кладя трубку, набрал номер телефона заместителя главного врача райбольницы Черновой:

– Екатерина Николаевна, подскажите, пожалуйста, что означает термин «трансмуральный» в словосочетании «трансмуральный инфаркт миокарда».

– Трансмуральный отличается от других видов инфаркта тем, что при нём отмиранию подвергается вся стенка сердца, включая наружный, средний и внутренний мышечные слои. Другие виды инфаркта не затрагивают внешний и внутренний слои мышц, ограничиваясь средним.

– Когда вы смогли бы подойти в прокуратуру? Мне необходимо получить ваши письменные объяснения по поводу смерти Будько.

– Если я подойду сегодня после обеда, ближе к концу рабочего дня, вас это устроит?

– Вполне. Просьба захватить с собой копию приказа руководителя облздраотдела о наказании Фофановой и историю болезни Будько. По моим данным приказ и история болезни уже поступили к вам из областного центра.

– Хорошо, Алексей Петрович, я принесу документы, вот только схожу к главному врачу за историей болезни, которую он забирал для ознакомления.

В пять часов начмед Чернова была у следователя.

– С 1975 по 1983 годы я работала в райбольнице кардиологом, и вопросы, с которыми вы разбираетесь, мне хорошо знакомы. Как ни печально это сознавать, наша сотрудница Фофанова позволила себе в случае с Будько много недопустимых вещей, – мрачно произнесла Чернова. – После того как Марина Абрамовна узнала от терапевта Крамар о подозрениях на инфаркт, ей следовало лично осмотреть больную. Она же этого не сделала. Кроме того, Фофанова была обязана организовать расшифровку электрокардиограммы Будько компетентным в этом вопросе врачом, а не доверяться выводам медсестры, пусть даже многоопытной. Она этого также не сделала. В результате медицинская помощь больной была оказана с опозданием. Строгий постельный режим Будько следовало назначить немедленно после её поступления в терапевтическое отделение. Помимо того, у себя в отделении Фофанова недолжным образом поставила вопрос о незамедлительном докладе лично ей о всех больных, поступающих в терапию с тяжёлыми заболеваниями, в том числе с инфарктами.

– Судя по материалам проверки, Фофанова без осмотра и обследования Будько, даже не видя её, распорядилась, чтобы в санпропускнике ей сделали инъекцию коргликона. Я не знаю что это за препарат, есть ли противопоказания по его применению. Насколько здесь права была заведующая терапевтическим отделением?

– В медицине есть неписаное правило, согласно которому врач до того, как сделать больному какие-либо назначения, обязан осмотреть его, сопоставить жалобы пациента с данными осмотра. Фофанова эти требования игнорировала. Что касается коргликона, то он назначается в составе комплексной терапии хронической сердечной недостаточности, для его применения имеются противопоказания.

– Вот мы с вами говорим: она должна бы сделать то, она обязана была выполнить это, а в каком документе содержится перечень обязанностей заведующего терапевтическим отделением районной больницы?

– В должностной инструкции, в приказах Минздрава СССР по направлению «терапия».

– Объясните, как такой безответственный человек стал заведовать терапевтическим отделением больницы?

– Фофанова не всегда была такой. На должность заведующей отделением её назначили два года назад, а спустя полгода её, с двумя маленькими дочками, бросил муж – он живёт сейчас в соседнем районе с другой женщиной. Марина после этих событий закрылась в себе, отгородилась от окружающих, несобранной и неорганизованной стала, характер у неё поменялся не в лучшую сторону...

– Терапевтическое отделение? Следователь прокуратуры Горовой беспокоит. Я хотел поговорить с Фофановой Мариной Абрамовной.

– Она сегодня не вышла на работу. Вероятно, заболела.

– Кто со мной говорит?

– Врач-ординатор Овсянникова.

Главный врач районной больницы Пушкив, к которому с трудом дозвонился Горовой, объяснил следователю, что у Фофановой после ознакомления с приказом облздрава о понижении в должности за допущенные упущения в работе случился нервный срыв, и она взяла больничный лист.

Прошло несколько дней, и Фофанова, наконец, вышла на работу.

В планы Горового не входило окончание доследственной проверки без опроса главного действующего лица, и он поспешил в терапевтическое отделение больницы. Алексею было известно, что Фофанова в течение дня не будет занята работой с пациентами, поскольку руководство райбольницы не успело окончательно определиться с её новыми функциональными обязанностями.

В ординаторской терапевтического отделения Горовой встретился с невыразительной серой мышкой, назвавшейся Фофановой. Алексею не довелось быть с ней знакомым, хотя он нередко бывал в больнице – не по поводу проблем с собственным здоровьем, оно, к счастью, его не беспокоило, а по служебным делам. Фофанова страдала весьма сильной близорукостью, из-за чего её взгляд сквозь толстые линзы роговых очков, ужасно старивших её, выглядел совиным.

– Я провожу проверку по факту смерти больной Будько, – объяснил следователь цель своего визита. – Когда я могу выслушать ваши объяснения на этот счёт?

На лице Марины Абрамовны проступили ярко-розовые пятна. Она, похоже, сильно нервничала.

– Мне не хочется обсуждать с вами эту тему, – заявила она, передёрнув плечами. – Во всяком случае, в данный момент. Опасаюсь ухудшения своего самочувствия. Я и без вашего вопроса неважно себя чувствую.

– Ну, я не враг вашему здоровью и не буду настаивать на ваших немедленных объяснениях, – сказал после некоторого раздумья Горовой, не ожидавший такого выверта от Фофановой. – Но вы имейте в виду, что нам с вами от откровенного разговора не уйти.

– А вы не забывайте про то, что у меня двое маленьких детей, – в голосе женщины звучал вызов.

– Мне известно о вас и ваших детях больше, чем вы думаете, – сказал Горовой. – К чему вы всё это мне говорите? Я что, пришёл за вашим арестом?

– А чего ещё мне от вас ждать? Что вы заскромничали? Доставайте ваши наручники! – Фофанову понесло.

«Истерики мне только не хватало», – подумал следователь, присаживаясь за письменный стол.

Вынув из папки чистый лист бумаги, он сделал на нём короткую запись.

– Марина Абрамовна, я здесь записал, что вы из опасений ухудшения здоровья отказываетесь давать объяснения. Попрошу прочесть и ниже моей записи проставить свою подпись и сегодняшнюю дату.

Фофанова долго ходила по ординаторской кругами, ... но подпись, в конце концов, поставила.

Вернувшись в прокуратуру, Горовой разложил перед собой материалы проведённой проверки, которые к этому моменту представляли собой солидную папку документов. В который раз перелистал бумаги. Поразмышляв над аргументацией, отпечатал постановление о возбуждении уголовного дела о преступной халатности Фофановой, повлекшей смерть человека. Решение не было спонтанным и не возникло как-то вдруг, оно вызрело в голове следователя ещё несколько дней назад.

О принятом решении Алексей доложил прокурору, передав ему для просмотра материалы проверки.

Без четверти четыре, когда Горовой, сосредоточенно глядя в графы лежавшей перед ним таблицы, составлял полугодовой отчёт о проделанной работе, в его кабинет тихо вошёл прокурор.

– Возвращаю материалы проверки по заявлению Красиковой, – сказал он. – Хвалю, ты провёл её весьма добротнo, оснований для возбуждения уголовного дела в твоих материалах усматривается более чем достаточно. Не здорово то, что у тебя нет полноценных объяснений Фофановой. Но и ждать, когда она приведёт в порядок свои нервы, было бы не умно, время-то бежит.

– Буду работать по делу, а там, глядишь, и Марина Абрамовна придёт в норму...

– А ты говорил, что не знаешь с какого конца начинать, что врачи у тебя фигурантами впервые. Забываешь, что не боги горшки обжигают, а люди... которые хотят и могут пахать.

– Если бы мне месяц назад на мозги высыпали ворох слов: некроз, перикард, тампонада, копачья спинка, электрическая ось сердца, то моя голова, однозначно, поехала бы...

– Я самого главного ещё не сказал. Тебе, Алексей Петрович, нужно собираться на выезд, – сказал Курзенков. – Только что звонил оперативный дежурный из РОВД: у нас в селе Ярославцево два трупа, механизаторы поражены разрядом электрического тока. В общем, несчастный случай на производстве. Бери нашу машину и отправляйся на место. Участковый Родченко будет ждать тебя в фельдшерско-акушерском пункте, куда были перевезены тела пострадавших в надежде на их реанимацию.

– Голому собраться – только подпоясаться! – ответил Горовой поговоркой своей матери. – Ну вот, я уже практически готов, – сказал он, вынимая из книжного шкафа потёртую кожаную папку, набитую бланками процессуальных документов, которую называл дежурной.

– Позвони мне домой, когда вернёшься, – сказал Курзенков вдогонку удаляющемуся следователю.

– Хорошо, Роман Александрович.

«Какие всё же мы с патроном разные люди. Я бы на его месте непременно начал разговор с сообщения о происшествии в совхозе „Ярославцевский“, – рассуждал Горовой по дороге

в гараж. – Наверное, Курзенков так устроен, от природы ему дан такой темперамент – ты же никогда не видел его суetyащимся. А может быть, тут осознанный стиль жизни, типа японского: быстро – это медленно, но без перерывов?».

Несколько минут спустя он и водитель уже пылили по разбитой дороге в направлении села Ярославцево.

Перед приземистым деревянным домиком, в котором располагался фельдшерско-акушерский пункт села Ярославцево, толпилась группа сельчан человек из восьми-девяти. Обойдя их, Горовой поднялся на крыльцо и протянул руку участковому инспектору Родченко, рыжеволосому мужчине с погонами старшего лейтенанта милиции на плечах, охранявшему проход к мертвым телам.

– Заждался я вас, Алексей Петрович, – облегченно вздохнул Родченко, снимая фуражку и промокая платком вспотевший лоб.

– Что у вас случилось? – спросил Горовой.

– Утром бригадир поручил трём молодым механизаторам, двум трактористам и комбайнёру, усилить сеноклад установкой четырёх дополнительных молниеотводов. Молниеотвод – это такой длинный деревянный шест, вдоль которого укреплен металлический стержень. Ребята три шеста установили, а четвёртый не удержали в вертикальном положении, он качнулся, наклонился и задел провода высоковольтной линии электропередач. В итоге имеем двух погибших парней. Фельдшерица пыталась реанимировать их, но все её старания оказались безуспешными, – поведал участковый инспектор.

– А что за народ здесь толпится? Родственники погибших?

– Они, – кивнул Родченко. – Затерроризировали меня, требуют выдать им тела.

Словно в подтверждение его слов к Горовому подошла заплаканная немолодая женщина с густой проседью в шевелюре и спросила с надрывом в голосе:

– Когда вы, товарищ следователь, намерены отдать нам тела наших сыновей?

Вслед за седоволосой женщиной к крыльцу подошли остальные родственники погибших механизаторов.

– Мне для начала требуются паспортные данные покойных, – сказал Горовой.

– Один, с травмой на бедре – это Лапшин Андрей, другой – Снитко Николай, перед нами его мать. Паспортные данные я сейчас выясню, – заверил его участковый инспектор.

– Потом я должен осмотреть тела и место происшествия. После этого я выпишу два направления на судебно-медицинское исследование тел погибших в целях установления причин их смерти, а участковый обеспечит транспорт и отправку тел в Михайловский район, поскольку своего судебного медика в нашем районе нет.

– А мы не желаем, чтобы наших ребят куда-то отправляли, нам и без эксперта понятно, по какой причине они погибли, – заявила мать Снитко.

– Вы рассуждаете так, словно только вчера родились, – принялся вразумлять сельчан Горовой. – Существует порядок, установленный законом: когда имеет место насильственная смерть, прокуратура обязана провести проверку и выяснить, нет ли виновных в этой смерти, для чего я сюда и приехал. Получается, что я соблюдаю этот порядок, а вы не хотите. Если не будет официальным образом установлена причина смерти ребят, вы никогда не получите в ЗАГСе свидетельств о смерти, а значит в дальнейшем вам сложно будет решить многие семейные вопросы – жилищные, наследственные и прочие...

Люди молчали, но по отчуждённому выражению на лицах, обращённых к следователю, можно было безошибочно прочесть: его аргументы не нашли понимания у родственников погибших.

– Геннадий Николаевич, подыщи, пожалуйста, понятых, я приступаю к осмотру, – обратился Горовой к участковому инспектору.

– Двух мужчин я заблаговременно пригласил, они сидят в кабинете у фельдшера, – ответил Родченко. – Не в первый раз работаю с вами – знал, что понятия понадобятся...

– Никому не советую мешать моей работе и вступать в проведение осмотра, – с расстановкой проговорил Горовой, поведя взглядом сузившихся глаз по лицам присутствующих.

Войдя в помещение, он принялся осматривать тела погибших – они лежали в коридоре сельского ФАП. В первую очередь Горовой искал следы воздействия электрического тока, так называемые электрометки. У Лапшина входная рана-электрометка располагалась на кисти правой руки, с ладонной стороны, выходная – на внешней поверхности правого бедра. У Снитко входная электрометка также располагалась на кисти правой руки, выходные, их было две – на подошвенной поверхности обеих стоп, в области пальцев. Брюки Лапшина и обувь Снитко имели разрывы с осаднением копоти на краях повреждений.

Алексей заканчивал составление протокола, когда подъехал тентованный грузовик ГАЗ-53. Вслед за ним подошли народные дружинники, вызванные участковым для оказания помощи в погрузке трупов.

Однако, едва только был откинут задний борт грузовика, как родственники погибших механизаторов встали стеной возле автомашины, препятствуя правоохранителям в осуществлении их намерений.

Горовой подошёл к ним.

– Вы же не дикари! Должны понимать: нельзя хоронить человека без квалифицированного заключения о причинах его смерти! Случись, не дай бог, что-то подобное с моими детьми, я первым делом отправил бы их на экспертизу,.. чтобы была полная ясность – что случилось и почему.

Люди молчали, на их сумрачных лицах читалась непреклонность.

Горовой пребывал в замешательстве, прикидывал так и эдак, но разумного выхода из ситуации не находил.

Уступить людям – значит, загнать себя в капкан. Не пройдёт и недели, как родня погибших мужчин столкнётся с кучей юридических проблем,.. решать которые придётся тебе... За выяснение обстоятельств гибели людей в подведомственном районе отвечаешь ты, а любые твои умозаключения, не подкреплённые выводами судмедэксперта – это детский лепет. И за этот лепет с тебя спросится. А экспертизу всё равно придётся проводить... после эксгумации трупов, на которую ещё нужно получить санкцию прокурора области...

А если попытаться погрузить тела вдвоём с Родченко... в расчёте, что представителям власти оказывать сопротивление никто не посмеет? На понимание и поддержку участкового рассчитывать можно – старлей по своей природе был человеком миролюбивым и добродушным, но духом не был слаб и, когда требовалось, мог быть жёстким и решительным. Вот только глупо надеяться на то, что родственники погибших пропустят вас к машине. А вступать в силовой конфликт с убитыми горем людьми – это надо быть конченной сволочью и себя не уважать... уж лучше попасть на зуб своему руководству и получить взыскание.

Алексей взял паузу.

Зайдя в помещение ФАП, он позвонил прокурору и рассказал о сложившейся ситуации.

– Правильно сделал, что позвонил, – сказал Курзенков. – Вы там не горячитесь и в конфликт не вступайте, мы с начальником милиции сейчас подъедем.

А время шло, и надо было выполнять свою работу.

Оставив фельдшерский пункт и находящиеся в нём тела погибших на попечение участкового, Горовой отправился на место, где Лапшин и Снитко были смертельно травмированы электрическим током. С собой следователь взял всё тех же мужчин-понятых – сенохранилище располагалось на краю села и найти там двух понятых для проведения осмотра было бы затруднительно, к тому же кто-то должен был показать дорогу.

Сеноклад представлял собой обнесённый добротной изгородью земельный участок площадью триста на сто восемьдесят метров, на котором совхоз «Ярославцевский» хранил заготавливаемое на зиму сено, спрессованное в крупногабаритные тюки. На складе работал колёсный трактор с навесным стогометателем, укладывая подвозимые тюки сена в скирду многометровой высоты.

Осмотревшись, Горовой заметил, что воздушная линия электропередач проходит вблизи от северного угла склада, и деловито устремился к нему. Провода ЛЭП, их было два, висели на высоте около семи метров над поверхностью земли. Более точно определить высоту не представлялось возможным, Алексей решил замерить её позже, прибегнув к помощи специалистов и технических средств.

В голове зароились вопросы. Сколько вольт в ЛЭП? Высоковольтная она или нет? Допустимо ли, располагать сельхозобъекты в непосредственной близости от ЛЭП? Если ЛЭП высоковольтная, то должна ли быть у неё охранный зона и насколько безвредна эта ЛЭП для жителей села? Эти вопросы следовало выяснять у специалистов-энергетиков... и не сейчас. Сейчас важно было другое – осмотреть и зафиксировать на бумаге обстановку на месте происшествия.

У угла сенохранилища, одним концом на земле, другим на изгороди, лежал молниеотвод – шестиметровый шест, к которому металлическими скобами крепился толстый арматурный стержень, выступающий на метр за пределы нижнего и верхнего краёв шеста. На стальном стержне, в ста тридцати пяти сантиметрах от нижнего края, наблюдалась оплавленность металла, рядом с ней на древесине имелись наслоения копоти в виде обширных пятен. В сорока трёх сантиметрах от верхнего края стержня также имелась оплавленность металла. Смоделировать ситуацию и понять, какой именно частью молниеотвод коснулся электрического провода, а на какой остались следы обугленных ладоней погибших мужчин, было не сложно.

Составив протокол осмотра и схему к нему, сделав служебным «Зенитом» панорамные и детальные фотоснимки, Горовой покинул сенохранилище.

Вернувшись к ФАП и увидев, что приехавшие прокурор Курзенков и начальник РОВД Меркулов заняты беседой с родителями погибших работников совхоза «Ярославцевский», Горовой не стал им мешать, а продолжил выполнять свою непосредственную работу.

Выживший механизатор, которого звали Русаковым Виктором, рассказал следователю, что в десять часов утра бригадир Редькин распорядился, чтобы Русаков, Лапшин и Снитко установили на сенокладе центрального отделения совхоза четыре молниеотвода. Бригадир нарисовал схему складского участка, на которой указал места их установки. На складе уже было несколько молниеотводов, эти четыре были дополнительными. Раньше молниеотводы устанавливали путём вкапывания основания в землю, в этот раз их следовало прикрутить проволокой к складской изгороди. Придя на сенохранилище, механизаторы без особых затруднений прикрепили к ограде три длинных шеста с металлическими стержнями. Когда стали поднимать четвёртый молниеотвод, Русаков решил поменять захват шеста руками и, отпустил его, чтобы занять более удобное положение. Лапшин и Снитко не удержали молниеотвод, он наклонился и коснулся провода ЛЭП, проходящего почти над самыми их головами. Послышался треск короткого замыкания, парни вскрикнули, из-под их ладоней и сверху, с проводов, посыпались искры. Схватив лопату, Русаков выбил шест из рук Лапшина и Снитко, их тела упали на землю. Вместе с подбежавшим трактористом Федченко Русаков принялся делать пострадавшим искусственное дыхание, однако те не подавали признаков жизни. Заведя трактор, Русаков и Федченко погрузили тела в прицепную тележку, привезли их в медпункт.

– Вообще-то, вам было поручено выполнение работы, не свойственной механизаторам, – заметил Горовой. – Вы могли шестом не только провод зацепить, но и верхушку штабеля с тюками. Я, хоть и дилетант, могу себе представить, что произойдёт, если с верхотуры на голову прилетит рулон сена. В нем, как мне помнится, около полутонны веса. Мало никому

не покажется! А вас инструктировали о мерах безопасности при выполнении работ на сенокладе?

– Нет, не инструктировали. Но мне раньше доводилось выполнять работы на сенокладе – заниматься на своём тракторе скирдованием соломы и сена. С технологией укладки тюков в штабеля я хорошо знаком и инструктажи по технике безопасности при выполнении этой работы проходил под роспись неоднократно – там основной упор делался на предотвращение возгораний от работающего тракторного двигателя. Николай тоже проходил эти инструктажи.

– Вас инструктировали по работе на технике, а здесь вы работали вручную – это разные вещи. Кто у вас проводит инструктажи?

– Бригадир.

Отыскав бригадира Редькина, следователь потребовал выдать ему журнал инструктажей по технике безопасности. Они пришли в контору совхоза, где Горовой занялся составлением протокола изъятия журнала.

За этим занятием его и застал подъехавший прокурор.

– Пора возвращаться домой, скоро стемнеет, – сказал он. – Если у тебя ничего неотложного нет, то советую на сегодня с работой закругляться. При необходимости можно её завтра продолжить.

– Я так и планирую поступить. Мне нужно ещё несколько человек опросить, включая бригадира, инженера-энергетика. Хотя, в принципе, мне и сейчас очевидно, что нужно возбуждать уголовное дело по части третьей статьи сто сороковой УК РСФСР, основания – нарушение правил по технике безопасности, повлекшее смерть двух человек, – поделился Горовой своими соображениями с прокурором. – А чем закончились ваши переговоры?

– У семьи Лапшиных мы нашли понимание, труп их сына отправлен на экспертизу. С родителями погибшего Снитко мы не смогли найти общего языка, и я разрешил им забрать тело сына. У них в семье верховодит жена, Оксана Александровна, а она женщина ещё та, с поперёшным и вздорным характером.

– Есть хочется, желудок к позвоночнику прилип с голодухи, – сокрушённо вздохнул Алексей.

– А мы сейчас к нам заедем и вместе поужинаем. Жена нажарила грибков, свиных рёбрышек отварила, – в предвкушении сытного ужина Роман Александрович мечтательно прикрыл глаза. – Я звонил Зине, она ждёт нас. Ведь я тоже не ужинал...

В дороге Горовой рассказал прокурору о проделанной работе, об обстоятельствах гибели механизаторов.

– Когда завтра приедешь в Ярославцево, то обязательно зайди домой к Снитко, может быть за ночь они немного придут в себя и согласятся на проведение экспертизы, – распорядился Курзенков.

Следующим утром Горовой, одевшись для большей официальности в форменный мундир, приехал к дому Снитко. Пройдя на веранду, постучал в дверь и, не дождавись ответа, шагнул в жилое помещение. На кухне трое мужчин пили водку. В большой комнате, расположенной рядом с кухней, на столе лежал покойник – видимо, гроб ещё не был изготовлен.

– Что вам опять от нас нужно? – напустилась на следователя хозяйка, вышедшая в прихожую.

– Да то же, что и вчера – официальное заключение специалиста о причине смерти вашего сына, для этого его тело должно быть отправлено на экспертизу.

– А вы русский язык понимаете? Неужели я не ясно всё объяснила вам и вашему начальству? Я не желаю, чтобы кто-то ковырялся в теле моего сыночка, – возмущалась Снитко, перешедшая на повышенный визгливый тон.

Мужчины в разговор не встречали.

– А мне нужно разбираться с соблюдением техники безопасности при вчерашнем несчастном случае на производстве. Вы же не хотите, чтобы после похорон Николая проводилась эксгумация, и труп извлекали из могилы?

– Я не поняла, вы что, меня шантажируете? – взъерилась женщина. – Сейчас же уберите из моего дома!

– Вы не правы! Какие мне ещё найти слова, чтобы убедить вас в этом?

– Я же сказала, уберите из моего дома.

Раздосадованному следователю ничего не оставалось, как удалиться.

На следующий день Горовой возбудил уголовное дело по факту нарушения правил техники безопасности и приступил к его расследованию.

А неделю спустя в его кабинет вошла немолодая женщина в чёрных одеждах, с чёрным же платком на голове.

– Я из села Ярославцево, вы должны меня помнить, – сказала она.

– Вас, Оксана Александровна, и захочешь забыть, да не забудешь, – невесело усмехнулся Горовой. – Я весь – внимание! Рассказывайте, с чем пожаловали?

– Мне в ЗАГСе не выдают свидетельство о смерти сына, а без него я не могу получить пособие на погребение и некоторые другие выплаты.

– А что я вам говорил?

– Работница ЗАГСа заявила, что я должна документально подтвердить факт смерти нашего Николая. Говорит: если бы сын умер, находясь на лечении в больнице, или у себя дома, от тяжёлой хронической болезни, то можно было бы обойтись справкой лечащего врача. От меня же она потребовала справку судебного медика, ссылаясь на то, что сын умер не своей смертью. Я пошла к заведующей ЗАГСом, а она, узнав, что мы не разрешили прокуратуре проводить экспертизу со вскрытием тела, отправила меня к вам. Сказала, что со всеми сложными смертельными случаями разбирается следователь прокуратуры...

– В ЗАГСе вам всё верно объяснили. Я только одного не могу понять, чем я сейчас могу вам помочь?

– Прошу выдать мне документ, заверенный вашей подписью и гербовой печатью, с указанием даты, места и причины смерти моего сына. Вот его паспорт...

– Конечно, на основании уголовного дела о нарушении правил по безопасному ведению работ, которое я расследую, не сложно подготовить справку по вашему сыну. Но лишь о времени и месте наступления смерти... без указания причины его гибели, потому что в деле отсутствует одно ма-а-а-аленькое, но важное звено – заключение судебно-медицинского эксперта. Препятствием к проведению экспертизы явились лично вы. Я терпеливо втолковывал вам существующий порядок, предупреждал о грядущих проблемах. А в ответ что слышал?... Пошёл вон!... Не забыли?... Так что, мой вам совет: поезжайте домой и уgomонитесь – вы добились того, чего так сильно хотели.

– Но ведь вы же осматривали тела. Там по одним только обуглившимся ладошкам можно было понять, что ребят погубил электрический ток. Их ещё и наш фельдшер Гончарова осматривала, а уж она – специалист-медик...

– Всё это так, однако, ни я, ни Гончарова экспертами не являемся, – развёл руками Горовой. – Экспертам, кстати, тоже недостаточно одного внешнего осмотра, для полноценных выводов им требуется знать состояние внутренних органов умерших.

– Я на вас в областную прокуратуру пожалуюсь.

– Да, пожалуйста, это ваше право. Только что вы скажете моему областному руководству? Про свой непомерный гонор расскажете?

– А я скажу, что вы нам, необразованным, не разъяснили всех последствий.

– Совести, смотрю, у вас нет ни капли, – возмутился Горовой. – Был у меня один подопечный с жизненным принципом «смелость города берёт, а наглость железо гнёт», у вас с ним,

похоже, одни учителя были... Не мечтайте, ваше враньё у областных прокуроров не пройдёт. Там не дураки, правду от кривды отличить сумеют. Люди же видели, сколько времени на ваши уговоры потрачено мной, прокурором и начальником милиции. У меня имеется заключение судебно-медицинского эксперта по Лапшину Андрею, оно подтвердит, что наши разъяснения были доходчивыми, Лапшины же их поняли, а это значит, что вся проблема только в вас, Оксана Александровна.

Снитко расплакалась. Горовой молчал, женские слёзы всегда выбивали его из колеи. В душе у следователя оставалась обида на Снитко, но он не злорадствовал по поводу возникших сейчас у женщины жизненных затруднений. Понимал – не каждый родитель, узнавший о гибели сына, способен сохранять в этот злополучный момент адекватность поведения.

– Что же мне делать? – спросила женщина, промокая глаза платком.

– Не знаю, – качнул головой следователь. – Вы вправе обратиться в суд с заявлением об установлении факта смерти в порядке особого производства. Но этот путь не быстрый, к тому же, накладный – без помощи адвоката вам не обойтись, а на оплату его услуг придётся потратить изрядные деньги.

– Нам этот вариант не подходит. Сами видели, мы живём не богато.

– И я также не знаю в данный момент, как мне дальше расследовать дело в отношении бригадира Редькина без экспертного заключения по вашему сыну, – вздохнул Горовой. – Буду думать. Во всяком случае, мне не хочется доводить дело до эксгумации, хлопотно это...

– А нам с мужем жалко Мишу Редькина, мы его хорошо знаем. Ведь в происшедшем всему виной была дикая случайность.

– Давайте мы с вами поступим следующим образом: вы сейчас посидите в коридоре, а я пойду к прокурору и попрошу у него совета.

Дождавшись, когда Снитко выйдет в коридор, Алексей запер кабинет и отправился к прокурору.

Курзенков внимательно выслушал сообщение следователя о визите зловерной гражданки Снитко.

– Пусть обращаются в суд и самостоятельно решают свои проблемы, – сказал он. – Всё, что можно было, мы с тобой для них сделали.

– Я, Роман Александрович, идя к вам, заглянул в гражданско-процессуальный кодекс и пришёл к выводу, что суд откажет Снитко в рассмотрении заявления по той простой причине, что они не использовали все иные возможности получения документов, удостоверяющих факт смерти сына. Всё упрётся в моё уголовное дело, в котором факт смерти Снитко Николая Дмитриевича установлен.

– И что ты предлагаешь? – спросил Курзенков.

– Можно объяснить Оксане Александровне, чтобы ожидала приговора в отношении Редькина и уже с копией приговора шла в ЗАГС регистрировать смерть сына, как акт гражданского состояния. На это уйдёт полгода, не меньше. Но можно поступить иначе. В заключении эксперта, исследовавшего труп Лапшина, указывается, что его смерть насильственная и последовала от поражения техническим электричеством. Я мог бы подготовить справку и указать в ней по Николаю Снитко ту же причину смерти, а это так и есть, материалами дела подтверждается, и я не погрешу против истины, если применю правило аналогии. В справке, делая обоснование, я не могу сослаться на заключение эксперта, как я это обычно делаю, поскольку у нас нет такого заключения. Но я могу сослаться на материалы расследуемого уголовного дела №18863 в целом. Дата и место наступления смерти установлены. Ну, и всё – снизу моя подпись и ваша печать. Документ будет достоверным и неоспоримым.

– Если рассуждать с чисто человеческих позиций, то Снитко заслужила, чтобы её запустили по большому кругу. Но мы-то с тобой на службе, себе не принадлежим, а потому не можем позволить себе идти на поводу у собственных эмоций и опускаться до уровня этой

женщины. Будем действовать по твоему второму варианту, составляй свою справку. Я, кстати, не знал, что по второму погибшему ты уже получил заключение судебного медика.

Тем временем расследование в отношении врача Фофановой шло своим чередом.

Горовой допрашивал свидетелей. По второму разу встречался с людьми, чьи пояснения выслушивал совсем недавно, пытаясь выяснить, имеются ли за претензиями Красиковой к медикам уголовно-наказуемые реалии, или её заявление – это выплеснувшиеся наружу эмоции, вызванные скоропостижной кончиной матери, не имеющие ничего общего с признаками преступления.

А люди задавали вопросы, не говоря открыто, но намекая на потерянное время, нарушенные личные и рабочие планы. Горовому, чья душа не успела зачерстветь и превратиться в сухарь на казённой работе, было перед ними неловко за причиненное беспокойство. Он, как мог, втолковывал, что не имеет пристрастия к мурыженью односельчан, и что всему виной непростая процедура ведения следствия.

Объяснял, что лишь составленный по всей форме протокол допроса свидетеля (с обязательной распиской об ознакомлении с ответственностью за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний) является тем документом, который в суде поможет восстановить справедливость, который может быть оглашён в зале суда, если допрошенное лицо не может прийти в суд по причине болезни, отъезда в отдаленный уголок Союза или даже за рубеж.

На всё про всё у следователя ушло две недели.

Закончив с допросами свидетелей, Горовой назначил по делу комиссионную экспертизу, проведение которой поручил областному бюро судебно-медицинских экспертиз. Изначально предполагалось, что в состав экспертной комиссии помимо судебных медиков будут включены врачи, специализирующиеся на лечении болезней сердца.

Один из основных вопросов, поставленных перед экспертами, Алексей сформулировал так: *«Не явились ли неправильности (несвоевременность, неполнота объёма оказанной медицинской помощи), допущенные при лечении Будько, причиной ухудшения состояния здоровья больной, приведшего к её смерти?»*.

Горовой увёз в Емельяново уголовное дело (эксперты должны были знать, о каких неправильностях ведёт речь следователь) и медицинские карты (амбулаторную и стационарную) умершей Будько.

Окончания экспертизы пришлось ждать пять недель.

Из заключения экспертов следовало:

«Диагноз «инфаркт миокарда» у Будько В. В. в Веденеевской райполиклинике заподозрен и в райбольнице установлен верно. Лечение соответствовало установленному диагнозу, но было явно неполным (не назначены нитриты пролонгированного действия или нитроглицерин в достаточной дозировке, наркотические вещества или нейролептоанальгетики, не проводилась профилактика и лечение аритмий, не выполнялся назначенный строгий постельный режим).

«Медицинская помощь Будько в достаточном объёме не оказана, начиная с момента обращения больной двадцать пятого июня за медицинской помощью и до её смерти. Даже после установления двадцать седьмого июня диагноза «инфаркт миокарда» назначенное лечение было абсолютно недостаточным и больная отправлена пешком вначале из поликлиники в стационар, а затем (двадцать восьмого июня) на повторную электрокардиографию.

«По состоянию больной и клинической картине уже двадцать пятого июня можно было заподозрить у больной нестабильную стенокардию (прединфарктное состояние), являющуюся показанием для срочной госпитализации.

Вышеуказанные ошибки в лечении и тактике ведения больной, допущенные как в стационаре, так и на догоспитальном этапе, могли способствовать разрыву некротизированной мышцы сердца.

Под заключением стояли подписи заместителя заведующего областным бюро судебно-медицинских экспертиз и ведущих специалистов области по части лечения сердечно-сосудистых заболеваний.

Ознакомившись с постановлением о привлечении в качестве обвиняемой в преступной халатности, повлекшей смерть больной Будько, Фофанова начала юлить, петлять, в надежде сгладить острые углы предъявленного ей обвинения.

– Позвольте... Как это, Будько не была мной осмотрена? – картинно возмутилась она. – По прибытии больной в отделение я её осмотрела, пусть и бегло.

– Нет, это вы позвольте, – осадил обвиняемую Горовой. – Вот показания работников терапевтического отделения, а вот – показания женщин, лежавших в одной палате с умершей, в них утверждается обратное. Зачитать?

– Не надо... – В конце концов, Фофанова вынуждена была признать свою вину. – Двадцать шестого июня перед обедом мне в отделение позвонила из поликлиники врач-терапевт Крамар и стала консультироваться по поводу больной Будько, которая находилась у неё на приёме, – показала обвиняемая. – При этом Крамар высказывала подозрение на острый инфаркт миокарда. Я посоветовала терапевту Крамар снять у Будько электрокардиограмму и расшифровать её, после чего поставить окончательный диагноз. Вскоре после этого разговора я встретила в терапевтическом отделении медсестру кабинета функциональной диагностики Кандыбу, которая сообщила мне об отсутствии в кардиограмме признаков инфаркта. Я сказала медсестре, что больную Будько следует направить в санпропускник, чтобы там ей сделали инъекции коргликона и обезболивающих препаратов, что госпитализироваться Будько не будет – ей будет назначено амбулаторное лечение. Конечно, как заведующая терапевтическим отделением, в случае подозрения на инфаркт я обязана была лично осмотреть больную.

– По какой причине вы не выполнили эту обязанность?

– Из-за большой занятости.

– Продолжайте.

– На следующий день я вела в поликлинике приём подростков, поскольку на полставки работаю подростковым врачом. В терапевтическое отделение вернулась лишь вечером. В отделении увидела историю болезни Будько, которая была направлена на стационарное лечение врачом Гамалеевой. Никаких дополнительных назначений больной я не стала делать, хотя в этом случае Будько следовало назначить строгий постельный режим, более сильное обезболивающее средство и для профилактики аритмии сердца – поляризующую смесь, как этого требуют правила лечения инфаркта. Я же из-за сильной усталости этого не сделала, и даже позволила больной встать с кровати. Утром следующего дня Будько повторно прошла электрокардиографию. Кто-то из врачей расшифровал кардиограмму, в ней наблюдался выраженный инфаркт миокарда. После этого я назначила больной строгий постельный режим и дополнительное лечение. В седьмом часу вечера, когда я уходила домой, ухудшения здоровья у Будько не наблюдалось. Однако в двадцать один час пятьдесят минут больная неожиданно скончалась, о чём я узнала лишь на следующее утро.

– Марина Абрамовна, скажите, кто из ваших подчиненных двадцать седьмого июня отправил больную Будько домой за сменным бельём и средствами личной гигиены перед тем, как поместить её в больничную палату?

– Не в курсе событий. Я уже говорила, что практически весь день находилась за пределами отделения, проводя в поликлинике профилактический осмотр детей подросткового возраста.

– Вы же давали клятву Гиппократу! Вот текст врачебной присяги за вашей подписью, скопированный из вашего личного дела. Тут есть ко многому обязывающие слова: «Получая высокое звание врача и приступая к врачебной деятельности, я торжественно клянусь... внимательно и заботливо относиться к больному...».

– Вы не были на моем месте...

– Понятное дело, что не был. А вы постарайтесь мне всё объяснить, я человек понятливый.

– Ну, уж нет! С вами откровенничать – себе дороже. Давайте, оставим эту тему.

– Как знаете.

Положив перед Фофановой бланк подписки о невыезде, следователь потребовал заполнить его.

– Ставя свою подпись, вы обязуетесь не покидать пределов района без моего разрешения, – объяснил он.

– Вы меня не арестовываете? – удивилась женщина.

– А что вы предлагаете делать с вашими дочками? Взять к себе на воспитание? Так я без угла, живу в архиве, – хмуро ткнул Горовой большим пальцем за спину.

Расследование близилось к завершению.

Помимо Фофановой профессиональную недобросовестность, ускорившую смерть пациентки, по отношению к Вере Васильевне Будько проявил и средний медицинский персонал больницы – фельдшеры отделения скорой помощи Жаворонкова и Ревякина, отказавшие больной в госпитализации. Это обстоятельство не прошло мимо внимания следователя, поскольку эксперты со всей определённой заключили – уже двадцать пятого июня состояние больной и клиническая картина (совокупность проявлений болезни) указывали на присутствие у Будько нестабильной стенокардии – прединфарктного состояния, являющегося показанием для срочной госпитализации.

Фельдшеры Жаворонкова и Ревякина были специалистами, наделёнными правом самостоятельной постановки диагноза и правом самостоятельного лечения. Однако их статус отличался от статуса врача и, тем более, от статуса заведующей отделением Фофановой. Фельдшеры не являлись должностными лицами, проще говоря – не были чиновниками от медицины, а поэтому их нельзя было привлечь к уголовной ответственности за должностную халатность. Под действие других статей уголовного кодекса они также не попадали.

Оставить эти безобразия медиков без соответствующего реагирования Горовой не мог и при окончании следствия внёс в облздравотдел мотивированное представление. В числе прочих требований он поставил на рассмотрение вопрос правомерности и обоснованности разрешения Фофановой, жалующейся на чрезмерную загруженность, совмещать основную деятельность с работой на полставки в качестве подросткового врача районной поликлиники.

Когда судебный процесс по делу Фофановой дошёл до стадии прений, государственное обвинение не настаивало на лишении свободы – всё же она признала вину, хотя и частично, предстала перед судом впервые, на иждивении имела несовершеннолетних детей, а санкция уголовной статьи о халатности не предусматривала чрезмерно сурового наказания.

Районный суд в итоге определил ей два года лишения свободы условно, а в качестве дополнительного наказания – трёхлетний запрет на врачебную деятельность.

Командировка в Арсентьевск

Заканчивался май 1986 года.

Пришедший год назад на пост генерального секретаря ЦК КПСС Михаил Горбачёв успел обаять страну умением говорить без бумажки, к чему приучили народ его дряхлые предшественники Брежнев, Андропов и Черненко. В стране полным ходом шла горбачёвская антиалкогольная кампания. А совсем недавно с подачи генсека началась новая кампания – по усилению борьбы с нетрудовыми доходами, которая на местах понималась как искоренение репетиторов, торговцев цветами, шофёров, подвозивших пассажиров.

1

Следователь прокуратуры Веденеевского района Алексей Горовой, услышав из станционных репродукторов объявление о прибытии на первый путь скорого поезда «Москва-Владивосток», неспешно перекинул через руку лёгкий плащ, подхватил с привокзальной скамейки дорожную сумку и по высокой лестнице, ступеней в тридцать, начал подниматься на перрон.

Приказом прокурора области он был откомандирован в город Арсентьевск, где в силу форс-мажорных обстоятельств местная прокуратура временно осталась без следственных работников. Один из следователей во время отпуска схоронил отца, после чего был госпитализирован с болезнью сердца и не смог в положенное время выйти на службу. Второй, совсем ещё молодой, также оказался в лечебном учреждении – у него истекло время отсрочки от призыва в армию, но при прохождении призывной медицинской комиссии обнаружилась некая болезнь почек, которую перед призывом требовалось подлечить. Срок командирования не был определён облпрокуратурой, но Горовому и без того было понятно – назад поедет лишь тогда, когда хотя бы один из коллег выйдет на работу.

Совесь у Горового присутствовала, и он испытывал крайнюю неловкость по поводу того, что оставляет прокурора одного.

Когда при расставании Алексей заговорил об этом, Курзенков остановил его.

– Делай свою работу и старайся не думать на этот счёт. Я попробую управиться здесь собственными силами. Ты всё время твердишь о стремлении стать высококвалифицированным следователем, вот и пользуйся возможностью набраться опыта в расследовании других категорий дел, отличных от наших. Всё же Арсентьевск – это крупный промышленный город, с изрядным населением, оперативная обстановка там иная, – заметил Роман Александрович. – Был бы ты семейным, тебя б, конечно, областная прокуратура поменьше дёргала.

И Алексей был благодарен ему за понимание.

По поводу командирования он не роптал, приказ есть приказ. К тому же, для него не было принципиальной разницы, где работать, важно, что работа в другом месте не будет пресной. В кои веки разгадывание чужих тайн было скучным занятием! Бытовые неудобства не смущали, притерпелся – он был холост, проживал в архиве районной прокуратуры. Ему, как пришедшему в Веденеевский район в порядке перевода, обязаны были по закону предоставить жильё в первоочередном порядке, и у исполкома районного совета народных депутатов такая возможность, в виде однокомнатной благоустроенной квартиры, имелась. Однако на положительное решение квартирного вопроса наложил табу первый секретарь райкома партии Кушнир Фёдор Матвеевич – его не устраивала трудноуправляемость районного прокурора, и в меньшей степени – его беспартийного следователя, которого сложно было поставить в стойло организационно-партийными методами, а посредством непредоставления квартиры, казалось, можно заставить не лезть в дела членов бюро райкома КПСС и прочих «неприкасаемых».

Над перроном разнёсся протяжный гудок тепловоза. Пассажирский состав вздрогнул, лягнул вагонными сцепками и неспешно тронулся, набирая ход. За окном поплыли знакомые привокзальные строения. Поприветствовав попутчиков, Алексей опустил сумку в рундук, пристроил плащ на вешалку и ловко запрыгнул на верхнюю полку – туда, где располагалось его место согласно купленной плацкарте. Откинувшись на спину, развернул перед собой газету «Правда» за девятое апреля 1986 года и углубился в чтение статьи под заголовком «Речь товарища Горбачёва М. С. на встрече с трудящимися города Тольятти», занимавшей три первые полосы газеты.

Заглянуть в газету Горового побудил разговор с давним знакомцем Головановым Олегом, собратом по «alma mater». «Лекарь» – так знакомые за глаза звали Голованова за его привычку «лечить» окружающих своими нравоучениями, за безапелляционность головановских суждений, изрекаемых с таким апломбом, как если бы они являли собой истину в последней инстанции. Горовой на «закидонах» Олега не закидывался, с удовольствием общался с ним, видя в Голованове, в первую очередь, интересную, нестандартно мыслящую личность. «Лекарь» обладал прекрасной памятью, у него хорошо работало содержимое черепной коробки, не случайно он в своё время получал повышенную студенческую стипендию под названием «ленинская» – рядовой посредственности её никогда бы не заслужить. Профессура к нему благоволила. Никто не удивился, когда Голованов после получения диплома остался при университете и занялся преподаванием, решив посвятить себя науке.

Во многом они были разными. Габаритный, модный, самоуверенный, нахрапистый и шумный брюнет Голованов и поджарый, скромный в одеждах, немного застенчивый, с шевелюрой цвета пшеничного колоса Горовой. Кое в чём схожесть присутствовала – оба они были крепки духом, не имели привычки включать заднюю скорость, оставались упёртыми и непреклонными там, где дело касалось внутренних убеждений. В свободное время предавались одним и тем же увлечениям, не раз соперничали друг с другом на бильярдном сукне, за шахматной доской, в карточном преферансе.

Неделю назад они случайно встретились на центральном проспекте Емельяново, куда веденеевский следователь приехал по служебным делам.

– Как успехи на фронте борьбы с нетрудовыми доходами? – с усмешкой поинтересовался Голованов, когда они присели на скамейку в сквере. – Знакомые говорят, от неё не столько пользы, сколько мороки с отчётностью...

– Да я как-то мало касаюсь этих вопросов. У меня всё больше преступления против личности – убийства, изнасилования. Тебе ли не знать об этом?

– Так ведь ваша же контора взяла на себя роль главного реализатора этой горбачёвской затеи!

– Тебя чем-то раздражают новые инициативы нашего генсека? С чего вдруг такой скепсис?

– Справедливо замечено, проницательный ты наш! Видишь ли, я с каждым днём всё больше и больше убеждаюсь в том, что у нас в стране к власти пришёл очередной сказочник! Новоявленный Шарль Перро! Мало их у нас было?!.. Тот же незабвенный Никита Хрущёв, по чьим уверениям мы сейчас должны бы жить при коммунизме, где все блага распределяются по принципу: «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям»...

– Обоснуй свои претензии, а то я что-то не пойму, куда ты клонишь. Лично мне наш лидер представляется вполне здравомыслящим человеком.

– А ты не читал текст выступления Горбачёва перед рабочими Волжского автомобильного завода в городе Тольятти? Оно в «Правде» публиковалось.

– Статью в газете «Правда» я видел. Но в текст горбачёвской речи особо не вникал, лишь просмотрел его по диагонали. Меня там мало что заинтересовало. Обратил внимание

на слова генсека о необходимости «перестройки в мышлении и психологии, в стиле и методах работы...».

– А я всё внимательно прочёл. Больше всего меня поразил брошенный Горбачёвым перед автозаводцами клич стать лидерами мирового автопрома. Нет, не так – он призвал работников ВАЗа стать законодателями мировой автомобильной моды. Понимаешь? Нет? Я автомобильной темой давно интересуюсь и знаю, как далеко от нашего советского автомобилестроения оторвалось зарубежное... Реалист, прагматик, наконец, ответственный человек, таких вещей людям никогда не скажет – мы же самостоятельно не способны произвести даже что-то подобное итальянскому «фиату». А уж он, как показывает жизнь, далеко не шедевр...

– Не-е-е, тут даже я – человек, давно отбросивший мечты о собственном автомобиле и не следящий за новостями мирового и нашего автопрома, могу с тобой согласиться – насчёт законодателя автомобильной моды наш Михаил Сергеевич явно загнул. Достаточно вспомнить дверцы наших легковушек, закрывающиеся с маха, как на тракторе, – невесело констатировал Алексей. – И всё же, не слишком ли рано ты произвёл Горбачёва в прожектёры? Хотя прожектёрство, на мой взгляд, в умеренных дозах безвредно... А может Горбачёв знает о каком-то нашем ресурсе, о котором мы с тобой не осведомлены, не догадываемся? – предположил он.

– Он говорил про наши резервы: про использование прогрессивных технологий, про то, что мы воспитаны на традициях воплощать в реальную жизнь самые фантастические проекты. Когда я это слышу, то вспоминаю анекдотичное выражение: мы уже научились делать сказки былью, но пока только самые страшные сказки... – усмехнулся Голованов.

В последующие дни Горовому не достало времени на прочтение газеты, хотя Алексей и отыскал её в архиве районной прокуратуры по возвращении из командировки в Емельяново.

И вот теперь в вагоне поезда он отыскал в тексте статьи фрагмент, на котором «Лекарь» акцентировал своё внимание:

«...ВАЗ даёт замечательные автомобили, широко известные у нас и в ряде других стран. Но сегодня этого мало. Ваши автомобили уступают лучшим зарубежным аналогам. К тому же, создавая новые модели машин, надо больше видеть перспективу. Каждый раз, когда завод представляет очередную модель, мы слышим: новый автомобиль будет на уровне лучших мировых образцов. Ну а я хочу вам задать такой вопрос: почему ВАЗ довольствуется тем, что новые машины будут лишь на уровне мировых образцов? Почему вы не поставите перед собой задачи помасштабнее – быть своего рода законодателем автомобильной моды в мире? Это такому квалифицированному коллективу по плечу.

Причины многих негативных тенденций в нашем машиностроении, других отраслях связаны с ориентацией не на создание принципиально новой, лучшей в мире техники, а часто на мелкое совершенствование уже освоенных машин. Надо отказаться от философии подражания. Не годится во всём идти по чужим следам, проторёнными дорогами. Воспитывались мы на иных традициях и должны открывать новые перспективные направления в развитии техники...»

«Не такой уж и фантазёр наш „ставрополец“, каким его видит Голованов. Обсуждать с людьми проблемы машиностроения надо? Надо! Ну а кому, как не ВАЗу, самому мощному и самому продвинутому в стране автопроизводителю, ставить амбициозные, прорывные задачи?» – подумал Горовой, откладывая газету в сторону.

Прокурор города Арсентьевска Угрюмов лично озаботился бытовыми условиями прикомандированного следователя и договорился с руководством вагоноремонтного завода о предоставлении Горовому номера в их ведомственной гостинице.

– Гостиница небольшая, без излишеств, но всё необходимое в номерах имеется, – объяснил он Горовому. – Самое главное – от места работы близко, всего несколько минут ходьбы.

Я сам в ней прожил несколько месяцев – с момента назначения на должность и до получения квартиры.

– Спасибо за заботу, – поблагодарил следователь. – В чём будут заключаться мои задачи? – решил он сразу же определиться.

– Узнаю следственную хватку. Брать быка за рога без всяких политесов – это по-нашему. Сам из следователей, – улыбнулся прокурор. – Мои ребята расследовали двенадцать уголовных дел, три из них по моему указанию принял к производству мой заместитель. Меня более других беспокоят четыре дела, по которым близятся к истечению процессуальные сроки. Если бы вы смогли закончить их с крепкими доказательствами – а они все имеют судебную перспективу – да без превышения установленных сроков следствия и сроков содержания под стражей обвиняемых, я был бы вам очень признателен. Все вновь возбуждаемые дела тоже за вами – без этого не обойтись, выполняйте по ним неотложные следственные действия, а дальше – видно будет. На криминальные трупы и заявленные изнасилования в течение рабочего дня выезжаете вы, в ночное время – мои помощники и заместитель.

– Если вы не возражаете, я бы взялся за все девять дел – чего мне ещё делать в вашем городе, я же работать приехал.

– Мне совестно грузить вас по самую макушку, там есть сложные, в плане доказывания, преступления. Давайте поступим так: вы изучите дела и попозже сообщите мне своё окончательное решение. Идёт?

– Идёт.

– Любовь Анатольевна, – обратился прокурор к заведующей канцелярией, которую вызвал по внутренней связи. – Проводите нашего гостя в кабинет Ивлева – Алексей Петрович временно будет работать там, прошу оказывать ему всяческое содействие.

Следователь плотно засел за изучение материалов доставшихся ему уголовных дел. К концу следующего дня Горовой составил собственное мнение по всем девяти уголовным делам, набросал по ним рабочие планы, законтачил с уголовным розыском и взялся тащить дела к финишу, то есть добывать недостающие доказательства. Скучать не приходилось.

Коллектив городской прокуратуры оказался очень дружным, отнесся к командированному следователю с теплотой. Коллеги охотно помогали дельными советами, с сибирским радушием угощали домашними соленьями и выпечкой, стараясь хоть в малости облегчить приезжему быт.

2

Горовой перелистывал страницы картонной папки, на которой аккуратным почерком было выведено: «Уголовное дело №11492 по факту убийства гр-на А. В. Самойлова. Начато 26 февраля 1986 года». Скрупулёзно вникал в содержание следственных, на языке криминалистов – процессуальных, документов. Фрагменты некоторых из них перечитывал заново.

По всем встречающимся неясностям, о возникающих собственных соображениях и вопросах Алексей Петрович, следуя укоренившейся профессиональной привычке, делал короткие пометки в рабочем блокноте. Без этого было нельзя – у емельяновских криминалистов, а может быть и не только у них, существовало неписаное правило, продиктованное практикой: «Информацию, значимую лично для тебя, можешь держать в голове, а сведения, важные для дела, запиши на бумагу».

Из материалов дела, изученных Горовым, следовало вот что.

...Морозным февральским утром шестидесятиррёхлетний Яков Кениг, проживающий в частном секторе на юго-западной окраине Арсентьевска, именуемой местными жителями «Бугульмой», вышел на крыльцо и увидел у своего забора незнакомый зелёный «Москвич». Пройдя за калитку, он с изумлением обнаружил вблизи от автомашины окровавленный

труп молодого мужчины, слегка припорошенный свежевывпавшим снегом. Заметил, что около «Москвича» лежит несколько окровавленных поленьев, явно взятых из его дровяной поленицы, аккуратно сложенной вдоль внешней стороны невысокого забора. Перепуганный Яков сломя голову бросился в дом, начал набирать номер телефона милиции.

Прибывшая следственно-оперативная группа во главе со следователем прокуратуры Ивлевым стала выполнять на месте происшествия привычную работу. Протокол осмотра места происшествия сухо зафиксировал детали: «... труп лежит на снегу лицом вниз, головой вплотную к поленице дров, расположенной по краю подворья семьи Кениг. Верхняя половина туловища трупа обнажена, брюки приспущены, обнажая верхнюю часть ягодиц. На краю проезжей части улицы, на расстоянии трех метров от трупа, лежат коричневый пиджак и мужская сорочка с оторванными манжетами. Одна из оторванных манжет также лежит на снегу, другая располагается на запястье правой руки трупа. На левой ноге находится кожаный ботинок черного цвета, второй ботинок отсутствует. В области живота обнаружены множественные ранки диаметром до трех миллиметров со смерзшейся кровью. На трупе, под ним, на поленьях, на снегу вокруг трупа имеются красно-бурые пятна, похожие на кровь. В полутора метрах от трупа находится автомобиль марки „Москвич-2140“, застрявший в снегу на обочине дороги».

Еще до окончания осмотра, собравшиеся у дома Кенига зеваки опознали в пострадавшем Самойлова Алексея, проживавшего с семьей в этом же районе Арсентьевска, но на некотором отдалении. О случившемся сообщили родственникам Самойлова.

Пришедшая на место происшествия супруга убитого поведала, что восемь лет прожила с Самойловым Алексеем в зарегистрированном браке, от совместной жизни имеют шестилетнего сына. Муж работал экспедитором на картонно-рубероидном заводе, умел ладить с людьми, явных врагов и недоброжелателей не имел, и причин опасаться за его жизнь никогда не возникало. В субботу, после полудня, они с супругом приехали на своем «Москвиче» в гости к её родственникам Лазаревым, где помылись в бане, поужинали. За ужином распили бутылку водки. Муж крепко попарился, от выпитого его разморило, и он прилег на диван, где вскоре уснул. Проспав два-три часа, муж около двадцати одного часа поднялся с дивана и вышел из дома. Спустя некоторое время она в поисках супруга также вышла во двор, но его там не оказалось, отсутствовала и их машина. Решив, что муж уехал домой, она в двадцать втором часу пошла к себе домой. Однако дома мужа не оказалось. Утром к ней пришла сестра и сообщила, что Алексей обнаружен мертвым на улице Щорса, у дома Якова Кенига. Бросив свои дела, она сразу же отправилась на место происшествия. Увидела полураздетое тело мужа, лежавшее на снегу, рядом находился их «Москвич». Когда она прошедшим вечером, возвращаясь от Лазаревых, проходила по освещенной улице Щорса мимо дома Кенигов, то не видела там своего «Москвича».

Проведенная судебно-медическая экспертиза показала, что смерть Самойлова Алексея Владимировича, тридцати двух лет, наступила от огнестрельного дробового ранения живота, приведшего к обильной кровопотере. Ранение причинено выстрелом из огнестрельного оружия, патрон которого имел множественный свинецсодержащий снаряд – дробь. Выстрел произведен с дистанции полного формирования дробовой осыпи, что может соответствовать дистанции выстрела от 15 до 25 метров.

Кроме огнестрельного ранения обнаружены множественные ссадины: в лобной области – три, на левом плече – две, на правом плече – одиннадцать, на правом предплечье – двадцать две, на шее – одна, на левом предплечье – две, на грудной клетке – двадцать одна, на животе – одна, в поясничной области – одна, на левой ягодице – одна, на правой ягодице – две.

Ввиду сильного трупного окоченения точное время наступления смерти Самойлова судебные медики определить не смогли. В крови пострадавшего эксперты обнаружили эти-

ловый спирт в количестве, которое у живых лиц соответствует легкой степени алкогольного опьянения.

Чтобы понять механизм причинения повреждений на теле убитого, следователь Ивлев расспросил на этот счет эксперта городского отделения судебно-медицинской экспертизы Пятакова, исследовавшего труп. Тот пояснил под протокол, что, судя по форме и множественности ссадин в поясничной области, на правом плече и предплечье, они, наиболее вероятно, возникли в результате волочения тела пострадавшего, ещё живого, и ударов указанными частями тела о твердые тупые предметы, каковыми могли быть дорожное покрытие либо смерзшийся грунт. Возникновение остальных ссадин характерно для ударов кулаками и ногами, в местах тела, где имелись рассечения кожи, велика вероятность нанесения ударов поленом.

Следствие сосредоточило свое внимание на поисках очевидцев преступления. И это было вполне логичным: приезд автомобиля, звук выстрела и шум драки, которыми сопровождалось убийство, обязательно должен был слышать и наблюдать кто-то из местных жителей. В результате предпринятого сотрудниками милиции подворного обхода района «Бугульма» были исписаны горы бумаг, однако сведений, полезных для раскрытия преступления, было добыто ничтожно мало.

Но кое-что в осадок выпало...

Молодая женщина Людмила Куликова, проживающая на улице Щорса неподалеку от места происшествия, рассказала, что утром в день обнаружения тела убитого Самойлова, она проходила по переулку за домом Кенига, ведущему через пустырь на соседнюю улицу Тургенева. Обратила внимание на длинный след волочения шириной около шестидесяти сантиметров, ведущий от пустыря к месту обнаружения трупа. След проходил по краю дороги, иногда – по обочине дороги. Перед началом спуска на пустырь, который располагался в низине, на этом следе было обширное пятно крови.

За пустырем, на улице Тургенева, проживала семья Лазаревых, у которых в субботу гостили Самойловы. Поэтому вполне закономерной стала версия о причастности этой семьи к убийству. В доме Лазаревых мог возникнуть конфликт, дошедший до крайности – применения ружья, после чего убийцы волоком перетащили тело потерпевшего Самойлова на улицу Щорса. Поскольку Самойлов продолжал подавать признаки жизни, то добились его поленьями. Туда же перегнали автомобиль – подальше от дома Лазаревых. Вписывается такой расклад в картину объективных данных?.. Вполне.

Судя по бумагам, отработывали Лазарева Николая, главу семьи, на причастность к убийству основательно. «Кололи» на официальных допросах – зацепок ноль, осматривали дом и двор Лазаревых – улики ноль, проверяли «по низам», оперативными методами с использованием агентурных возможностей – результат тот же, нулевой.

Следователь Ивлев и оперативники арсентьевского угрозыска работали и по другим версиям. Проверяли Якова Кенига, обнаружившего труп. «Прошерстили» местных владельцев охотничьих ружей, особенно тех из них, кто был склонен к пьянству, хулиганским выходкам. Ничего полезного для раскрытия убийства эта работа не дала. Первые значимые сведения, те, что приоткрывали завесу тайны над гибелью Самойлова Алексея, появились в деле лишь в конце апреля – через два месяца после убийства. Это были показания девятнадцатилетней студентки лесотехнического техникума Ирины Ивашковой, жительницы города Мариинска Кемеровской области.

Допрос проходил в Мариинске.

– Двадцать пятого февраля вся наша семья – родители и мы с младшим братом, находилась в гостях у родственников в городе Арсентьевске Емельяновской области, – показала девушка. – Дядя Андрей Кыров, брат моей матери, выдавал замуж старшую дочь своей нерегистрированной жены Громоздиной. Празднование свадьбы проходило в огромном доме родителей жениха, живущих в частном секторе на окраине города – в том же районе находился

дом Кырова с Громоздиной. Свадьба продолжалась допоздна, на ней присутствовало много молодёжи, было весело. Брату Сергею сидеть за столом быстро наскучило, и он ещё засветло отправился домой к дяде, где мы остановились и где находились все наши вещи. А я оставалась на свадьбе до самого её окончания... В первом часу ночи гости со стороны невесты, я в том числе, отправились на ночлег в дом Кырова и Громоздиной. По дороге одного из родственников зацепила проезжавшая мимо легковая машина, пьяные мужчины затеяли драку с водителем. Смотреть на это было неприятно, и я ушла вперёд. Через какое-то время меня догнали остальные... Укладываясь спать, слышала как два моих дядьки, хозяин дома и его брат Анатолий, они были сильно обозлены, порывались пойти на улицу и «грохнуть» водителя. Женщины их отговаривали, не отпускали... Проснувшись утром, увидела, что родители спешно собираются в обратную дорогу. Родственник хозяйки дома Громоздиной, которого ночью сбила автомашина, был мне незнаком, он всё утро громко стонал и матерился, женщины говорили, что у него, скорее всего, сломаны рёбра и что необходимо везти его в больницу... Идя на автовокзал, мы увидели на месте ночной драки всё тот же автомобиль и неподвижно лежавшее рядом с ним тело полураздетого мужчины. Мать сказала, что это вчерашний водитель, что его убили её братья, Андрей и Анатолий Кыровы, просила не распространяться об этом среди знакомых.

Горовой не нашёл в уголовном деле данных о том, как следователь Ивлев вышел на Ивашкову. Но прокурор Угрюмов был в курсе событий, и просветил его по этому вопросу. По словам Угрюмова, Ирина Ивашкова не умела хранить секреты и поделилась ими со своими друзьями, от которых информацию утекла к сыскарям мариинского уголовного розыска, а те в свою очередь оперативно вышли на связь с Арсентьевским ГОВД..

Когда следователь Ивлев встретился с родителями Ирины, те стали всё отрицать: «Никаких драк в Арсентьевске не видели и не участвовали в них. Что касается дочкиных показаний, то это фантазии юной девицы с неокрепшей психикой, которой после выпитого на свадьбе вина приснился дурной сон».

Вернувшись из Кузбасса, Ивлев допросил родственников Кырова и Громоздиной, присутствовавших на свадьбе – некоторые из них подтвердили рассказ мариинской студентки Ивашковой. Эти люди пояснили: мужчиной, которого сбила машина Самойлова, был Александр Вайсунс, – муж младшей сестры Ольги Громоздиной, проживающий с семьёй в Новосибирске.

Допрошенный Вайсунс отрицал своё участие в каком-либо дорожно-транспортном происшествии, но судебно-медическая экспертиза обнаружила у него костную мозоль (след сросшегося перелома) девятого ребра справа.

Всё это послужило основанием для ареста братьев Кыровых, для предъявления им обвинения: Андрею – в убийстве Алексея Самойлова, Анатолию – в пособничестве убийству. Однако, они вину не признавали. Обыск в доме Кырова Андрея ничего не дал, ружьё обнаружено не было.

Через несколько дней в областную прокуратуру поступили жалобы двух свидетелей, утверждавших, что они оговорили братьев Кыровых под нажимом сотрудников уголовного розыска и следователя прокуратуры Ивлева. Туда же поступила жалоба Александра Вайсунса, сообщавшего об отсутствии у него на девятом ребре справа, равно как и на других ребрах правой половины тела, следов перелома. В подтверждение своих слов Вайсунс прилагал к жалобе соответствующую справку одной из новосибирских поликлиник.

...И вот теперь Горовому предстояло всю эту муть профильтровать и превратить если не в кристально чистую водицу, то, в крайнем случае,.. в меру прозрачную.

«Плюс – это то, что мы уже знаем: кто, как и по каким мотивам убил Самойлова, – размышлял он. – Минус в том, что все действующие лица кровавой драмы состоят в родстве между собой, а поэтому будут всеми силами выгораживать братьев Кыровых. Показаниям Ивашковой Ирины нужно искать вещественные подтверждения, они не люди, не скажут в суде „Я беру

свои слова обратно!“, а покажут что-то одно – да или нет. Но, где их сейчас найти, эти вещественные доказательства, когда прошло столько времени?».

Горовой разумел, что более других об обстоятельствах убийства осведомлена Громоздина Ольга, сожительница Кырова Андрея. Но она не захотела откровенничать на допросе у Ивлева, отрицала даже очевидные факты. Явившись по вызову, смуглолицая, начавшая слегка расплываться сорокалетняя женщина вновь сидит перед столом следователя, теперь уже напротив Горового. Всеми силами старается вести себя независимо, даже попросила у следователя сигарету, заметив на его столе раскрытую пачку «Стюардессы». Но надо было быть совсем незрячим, чтобы не заметить в глубине её глаз – страх и тревогу, плохо запрятанные.

Громоздина долго отвечала на задаваемые вопросы откровенным враньём, отчаянно запиралась. Чтобы уличить её во лжи, Алексею пришлось огласить показания Фоминой Анны, сестры Громоздиной.

– Много ли надо, чтобы запугать сельскую учительницу? Ваш следователь Ивлев угрожал ей пистолетом, мне об этом достоверно известно после откровенного разговора с сестрой. Постыдились бы! – перешла на встречные обвинения Громоздина – она явно была готова к такой постановке вопроса.

– Вы лжёте! – коротко бросил Горовой. Объяснять, почему он так решил, не стал. Не рассказывать же ей про то, что несколько лет назад всем следователям прокуратуры было предложено сдать оружие, это были, в основном, советские пистолеты системы Токарева и трофейные немецкие «Вальтеры» да «Парабеллумы», под предлогом замены на новое, единого образца. Замена оружия затянулась, и пока оно осталось лишь у тех редких единиц, кто решил не сдавать его, а ещё – у фронтовиков, имеющих наградные пистолеты.

Следователь зачитал Громоздиной фрагменты показаний Ивашковой Ирины.

– Я не хочу слушать вздор и нелепые фантазии этой девчонки, – поджав губы, заявила допрашиваемая.

Но Горовой не был лыком шит и прекрасно знал: у неё, как у всякой женщины, имелась «ахиллесова пята» – благополучие детей. Следователю сейчас было не до реверансов – убийство человека это не кража цыплят. Не осталось у него других вариантов, как поддавливать на эту женскую слабость, обрисовывая в мрачных тонах жизненные трудности подрастающего Серёжки и четырнадцатилетней Алёнки, с её проблемами переходного возраста, в случае, если их мать «сядет» за сокрытие тяжкого преступления. ... Громоздина всплакнула, попричитала: «Кыров меня прибьёт!», а потом заговорила... и не просто заговорила, а рассказала всё. Тянуть из неё слова не пришлось, они полились непринуждённо и легко. Было понятно – женщина устала носить в себе тягостное бремя.

– Я была счастлива, живя за первым мужем. Родила ему двух дочек, Светлану и Алёнку. Мы вместе прожили восемь лет, – поведала Громоздина. – Однажды во время отпуска Женя, так звали мужа, поехал к сестре – у неё собиралась их многочисленная родня, чтобы помочь в строительстве дома. Но в пути ему не повезло – автобус столкнулся с панелевозом, гружённым бетонными плитами. Через два года после смерти мужа встретила Андрея Кырова, он мне показался интересным мужчиной: бывший военный, самостоятельный и хозяйственный человек. Андрей жил под Омском, к нам в Арсентьевск приехал навестить своего младшего брата Анатолия. Вскоре после знакомства Кыров предложил жить вместе, и я согласилась – в одиночку, без мужской опоры, поднимать детей не просто. Мы сошлись. Я от него родила сына Мишатку, которому сейчас четыре года. Андрей по характеру очень вспыльчив, но его нервные вспышки быстро проходят, он добр по отношению ко мне и детям, и мы уживались. У меня в трудовой книжке всего одна запись – инспектор Госстраха. Кыров трудился на разных предприятиях – у нас в городе трудно найти хорошую вакантную должность. Последние два года он работал механиком драги в Турочакской старательской артели, базирующейся в Горном Алтае.

Работа вахтовая: две недели работаешь, потом две недели отдыхаешь. В конце прошлого года моя старшая дочь Светлана и её жених Чичеров Сергей подали заявление в ЗАГС, торжественная регистрация брака была назначена на двадцать пятое февраля. У Чичеровых, родителей жениха, живущих, как и мы, на «Бугульме», только на другом её краю, большой и просторный дом. Сваты предложили отгулять свадьбу у них, мы с Кыровым согласились. В день свадьбы к нам съехалось много родственников – из Новосибирска, с Алтая и Кузбасса, многие из них остановились в нашем доме. Двадцать пятого февраля после ЗАГСа молодожёны и все приглашённые отправились в дом Чичеровых. Отпраздновали торжественное событие честь по чести: дочка с мужем, сваты и гости были довольны. У нас с хозяйкой дома день свадьбы прошёл в непрерывных хлопотах – хотелось, чтобы гости чувствовали себя комфортно, и на столах было чего выпить и чем закусить. Приехавшие сёстры активно помогали мне. Застолье продолжалось до полуночи. В первом часу ночи мы с Андреем и часть гостей отправились к нам домой на ночлег, – по просьбе Горового Громоздина перечислила всех поимённо.

Давно пришло время обеда, но Горовой не прерывал допрос – ещё собьёшь женщину с настроя на откровенный разговор, а она только-только начала говорить о самом важном. Как потом вернуть ей этот настрой?

– Мы дошли до улицы Щорса, на которой живём. Было безлюдно, машин не было, поэтому мы шли по проезжей части улицы. До дома было уже недалеко, когда впереди показался легковой автомобиль, двигавшийся нам навстречу. Освобождая машине путь, все сошли с дороги на обочину. Замешкался лишь новосибирский гость – Александр Вайсунс, муж моей сестры Валентины, который был пьянее других, его при ходьбе «штормило». Водитель автомобиля, чтобы избежать столкновения, резко свернул вправо, но всё равно краем машины зацепил и опрокинул на снег Вайсунса. Автомобиль проехал немного по обочине и остановился. Упавший Вайсунс начал стонать, громко ругаться. Мой Кыров подбежал к машине, распахнул дверцу и вцепился в водителя, вытащил его из-за руля и тут же ударил кулаком в лицо. Незнакомец, высокий мужчина средних лет, в ответ ударил по лицу Андрея. Началась драка, к которой подключились Кыров Анатолий и их зять Ивашков. Водитель вначале бойко отбивался, но силы были неравные, и позднее он лишь закрывал руками голову от ударов. Братья Кыровы сбили его с ног, стали пинать ногами, а потом ещё и бить по голове поленьями, что были сложены у ограды дома, находившегося поблизости. Я бросилась разнимать мужчин, но Андрей рыкнул на меня. Я заметила, что у него разбит нос, что сам он находится во взбешённом состоянии – его в такие минуты лучше не трогать, и перестала вмешиваться. Конфликт продолжался ещё несколько минут, потом мы все ушли домой, а избитый водитель остался лежать на снегу. Всю дорогу Кыров, взвинченный и не отошедший от драки, грозился взять дома двустволку, вернуться и пристрелить незнакомца. Придя домой, Андрей, не раздеваясь, прошёл на кухню, побыл там немного, после чего пошёл на веранду. Я последовала за ним, так как знала, что в кладовой (вход в неё с веранды) у него хранится двуствольное ружьё. Не смотря на мои уговоры отказаться от своего намерения, Кыров вынес из кладовой ружьё и горсть патронов, зарядил оба ствола и вышел на улицу. За ним молча проследовал младший брат Анатолий. Меня не оставляла надежда отговорить Андрея от душегубства. Я позвала сестру Валентину, мы оделись и поспешили к месту драки. Пришли. Автомобиль стоял на прежнем месте, но рядом никого не было: ни водителя, ни Кыровых. В это время со стороны пустыря, расположенного поблизости, раздался голос Кырова Андрея – он громко матерился. Затем раздался грохот выстрела. Через несколько минут Кыровы волоком притащили к машине тело водителя – хотели запутать следы. Тот ещё был жив и негромко стонал. После этого мы вернулись домой. Дети спали. Мужчины стали пить на кухне самогон, принесённый со свадьбы. Женщины находились рядом. Договорились никому не рассказывать о происшедшем... Наутро Андрей разобрал ружьё и сжёг его деревянные части в печи, металлические части унёс к речной протоке и утопил в проруби. Гости стали собираться домой, идти к сватам,

куда все были приглашены на празднование второго дня свадьбы, никто не хотел – причина нежелания была ясна без всяких слов.

Лишь моя сестра Валентина Вайсунс и её муж задержались у нас ещё на два дня – у Александра сильно болел бок, ушибленный автомобилем, но за медпомощью он не обращался, чтобы не привлекать внимание. Позднее, уже из Новосибирска, сестра по телефону сообщила, что врачи обнаружили у мужа перелом ребра, из-за чего он не полетел в Уренгой, где работал вахтовым методом на буровой.

– С какой целью Кыровы сняли с тела потерпевшего Самойлова одежду?

– Перед тем как уйти домой Кыров Андрей сорвал с мужчины пиджак с рубашкой и бросил рядом. Сделал он это, чтобы Самойлов окончательно замёрз,.. ведь он ещё был жив...

– Двадцать шестого февраля после обнаружения трупа работники милиции проводили на улице Щорса подворный обход. К вам приходили? Что вы им говорили?

– Приходили, в одиннадцатом часу. У нас к этому времени почти все гости отправились домой, остались лишь моя сестра Валентина Вайсунс и её муж. Я уже знала от соседей, что обнаружен труп неизвестного мужчины, что понаехало много милиции – одни работают возле тела, а другие ходят по домам. Спешно отправила Кырова и сестру к сватам – надо же было на второй день свадьбы кому-то с нашей стороны бросить молодожёнам денег «на сор». Как потом объяснишь отсутствие гостей со стороны молодой жены? К тому же опасалась, что сотрудники милиции, увидев распухший нос Кырова, сразу же заподозрят его в участии в драке и убийстве. Валентина с Андреем ушли к Чичеровым другой улицей, чтобы не проходить мимо того места, где лежал убитый, и не мозолить глаза милиции. Дома остались я, дети и Вайсунс Александр, который, изрядно похмелившись утром, спал на диване. Я с дрожью в коленках ждала прихода милиции, была готова к аресту – наша улица хорошо освещается ночью, и нас могли увидеть и узнать люди, живущие рядом с местом драки... К нам пришёл участковый и ещё один мужчина, одетый по «гражданке». Они уже знали о свадьбе дочери. Сообщили мне о найденном трупе Самойлова и спросили, не проходил ли кто из нас ночью мимо дома Якова Кенига, не видел ли чего. Я соврала и сказала, что мы с родственниками рано вернулись со свадьбы и тут же легли спать. Мне задали вопрос, что это за пятно крови на снегу рядом с дорожкой, ведущей к вашему дому. Я обомлела – кровавый след оставил разбитый нос Андрея. Пришлось опять соврать и сказать, что у одного из родственников перед отъездом поднялось давление и пошла носом кровь, и это могла быть его кровь. Добавила также, мол, мне некогда с ними беседовать – спешу уйти к сватам. Милиционеры развернулись и ушли.

– Вам известны ориентиры места, где Кыров утопил ствол и другие металлические части ружья?

– Нет, не известны.

– Куда вы уносите золу из печи?

– Ссыпаем в кучу за баней.

– По милицейским учётам ваш сожитель не числится среди владельцев охотничьих ружей. Откуда у Кырова ружьё?

– Ружьё появилось в нашем доме года три назад. Андрею его уступил за две бутылки водки товарищ, Коля Сысоев – они вместе работали в транспортном цехе картонно-рубероидного завода. Двустволка всегда стояла в углу кладовой, я её особо не рассматривала, но видела, что она далеко не новая. Сысоеву двустволка досталась после смерти отца, а у Коли своих ружей – два или даже больше,.. так говорил Кыров.

Пока Громоздина читала протокол допроса, а он был не маленьким, Алексей по телефону вызвал из ГОВД эксперта-криминалиста и оперативника угрозыска. Вместе с ними Горовой поехал домой к Громоздиной и провёл осмотр приусадебного участка. За баней находилась куча шлака, куда сыпалась печная зола. Перелопатив эту кучу, они, к большому своему

удовлетворению, нашли то, что искали... мелкие металлические детали сожжённых деревянных частей ружья: ложевую антабку, ввинчиваемую в приклад стальную округлую скобку для крепления ремня, и слегка покорёженную от воздействия высокой температуры защёлку цевья (защёлку ствольной накладки).

На очных ставках с Громоздиной родственники стали подтверждать её показания. Упорствовали лишь братья Кыровы и Александр Вайсунс.

Подвижки в расследовании радовали Горового. Не давала покоя одна неувязка. Свидетели чётко и ясно говорили – у Вайсунса после столкновения с автомобилем был ушиблен левый бок. Тогда почему эксперт указывал на перелом ребра на правом боку?

Не один день Алексей бился над этим противоречием, от дум «извилины заплелись в косички», а логичного объяснения этой нестыковке не находилось. Судебные медики – первые помощники в работе следователя, и Горовой привык доверять им, как самому себе. Не было в его практике случая, чтобы эксперты подвели.

Через две недели комиссия экспертов выдала заключение, подтверждающее правоту новосибирского хирурга: у Вайсунса отсутствуют следы переломов рёбер на правой половине тела, в то же время у него имеется след сросшегося перелома девятого ребра слева. Кляня арсентьевского судебно-медицинского эксперта Пятакова за отнятое время и потраченные нервы, Горовой отправился в городской морг.

– Что скажете, уважаемый? – следователь протянул Пятакову заключение повторной экспертизы и начал заполнять бланк протокола допроса.

Прочтя документ, судмедэксперт непонимающе взглянул на Алексея, потом поднялся и вышел из кабинета. Через несколько минут он вернулся, неся в руках материалы по экспертизе Александра Вайсунса.

– Что тут скажешь, мои коллеги из областного бюро правы – у этого человека, действительно, был перелом ребра слева, а не справа, как я указал. Это моя ошибка. Видимо, когда я надиктовывал машинистке текст заключения, то повернул к себе рентгеновский снимок не той стороной. Это же было двадцать седьмого февраля... в понедельник, – заглянув в календарь, сказал он. – А по понедельникам у нас запарка, не тебе рассказывать – за выходные дни накапливается большое количество неисследованных трупов...

Пятаков был значительно старше Горового по возрасту. Будь эксперт помоложе, Алексей высказал бы ему простыми и понятными русскими словами всё, что о нём в этот момент думает. По сумрачному взгляду, брошенному следователем, Пятаков понял настрой Горового, начал извиняться:

– Прости, Алексей Петрович, за допущенную оплошность! Все мы не без греха!.. Кстати, я родом из Веденево, оттуда, где ты постоянно работаешь. Часто бываю на родине, у меня там мать живёт... От «здравия желаю» и других земляков часто слышу добрые отзывы о тебе...

В тот же день в прокуратуру по повестке явился водитель картонно-рубероидного завода Сысоев, которому следователем было предложено рассказать, при каких обстоятельствах у Кырова Андрея оказалось охотничье ружьё его умершего отца.

– Пусть Андрей не сочиняет! Не было у отца никакого ружья! – начал открещиваться Сысоев, решивший, что информация утекла от его приятеля Кырова.

А следователю было нечем прижать его и уличить.

Записав показания, Горовой отпустил Сысоева.

Конечно, можно было поручить угрозыску выяснить круг общения сысоевского родителя и установить факт владения им незарегистрированной в милиции двустволкой, чтобы потом прижать наследника умершего этими данными. Однако, история ружья не относилась к ключевым обстоятельствам дела об убийстве Самойлова и временем на её выяснение Горовой не располагал – процессуальные сроки неумолимо утекали.

Кыров Андрей показал себя во всей красе в изоляторе временного содержания, куда по запросу следователя был доставлен из СИЗО для предъявления окончательного обвинения.

Бывший прапорщик был невысок ростом – значительно ниже своей сожительницы, шириной плеч тоже не отличался. А вот гнили, дерьма и необузданной злобы в нём оказалось столько, что хватило бы и на десятерых.

Ознакомившись с текстом постановления, в конце которого обвиняемому надлежало поставить подпись в подтверждение его прочтения, Кыров упёрся в следователя оловянным взглядом и, брызжа слюной, зашёлся в отборной матерщине, поминая бога, душу, мать... Его, оказывается, бесили не только нюансы предъявленного обвинения,.. но даже чёрный цвет галстука на шее следователя.

Пальцы следователя нервно забарабанили по кромке стола. Самолюбие закипало и сверлило мозг вопросами: «И долго ты будешь слушать оскорбления? Не пора ли рявкнуть и осадить этого уroda? А может лучше, двинуть между глаз разок, другой – так-то оно было бы вернее!»

«Спокойствие, только спокойствие!» – уговаривал себя Горовой. Вмиг вспомнился патрон – веденеевский прокурор Курзенков Роман Александрович с его удивительной способностью никогда не терять самообладание, даже в самой накалённой обстановке. Он бы никогда не позволил ситуации выйти из-под контроля. Усилием воли Горовой поборол эмоции, взял себя в руки.

– Не желаете подписываться за прочтение документа? Что ж, это ваше право, – глядя в глаза Кырова, следователь протянул руку за постановлением.

Как бы не так – криво ухмыляясь, Кыров скомкал листы постановления и принялся записывать их в рот.

Не говоря ни слова, Горовой нажал на тревожную кнопку. Вбежавший в следственную комнату конвой в лице двух плотных мужчин средних лет вник в ситуацию мгновенно. Один из конвоиров с силой сжал пальцами щёки Кырова, вынуждая того разжать зубы, другой извлёк изо рта скомканные и частично изжёванные листы постановления о привлечении в качестве обвиняемого. Кыров не сопротивлялся, лишь самодовольно щерился...

– Пару недель карцера ты себе обеспечил! Стопудово! – жёстко обрисовал Кырову его ближайшие перспективы конвоир, специалист по разжиманию челюстей. – Быстро встал! Руки за спину и на выход!

– Минуточку! – остановил его следователь. – Я не разрешал уводить его! – и, обращаясь к обвиняемому, спросил. – Кыров, вам предъявлено обвинение в умышленном убийстве гражданина Самойлова! Признаёте ли вы себя виновным?

Подследственный удивленно взглянул на него, словно только сейчас увидел.

– Да чихал я на твоё обвинение с высокой колокольни! – Кыров слотнул слюну и слегка приоткрыл рот, намереваясь что-то ещё сказать. Но в последний момент передумал, молча отвёл взгляд к окну, за спину следователя.

– Вам предлагается дать показания по существу предъявленного обвинения, – объявил ему следователь.

Кыров продолжал молчаливо смотреть в окно, будто и не к нему вовсе был обращён вопрос.

– Спасибо, ребята! Можете уводить следственно-арестованного, – сказал Горовой, делая пометки в протоколе.

Позднее, уже в прокуратуре, Горовой аккуратно разгладил поврежденный текст постановления горячим утюгом через влажную тонкую тряпицу. В трёх местах склеил надорванные листы. Он не переживал – в надзорном производстве, формируемом прокуратурой по каждому уголовному делу для надзорных целей, имелись копии всех основных постановлений по делу, в том числе и этого – повреждённого. Что взять с психопата,.. кроме анализов? Эксперты-пси-

хиатры, указывая в своём заключении о вменяемости Кырова Андрея, одновременно отмечали наличие у него психопатии – отклонения в деятельности нервной системы, проявляющегося в повышенной агрессивности, вспыльчивости, бессердечии и завышенном уровне притязаний. ... Через неделю Горовой объявил Кыровым о завершении следствия.

3

Дело Германенко Владимира Стефановича, пятидесятирёхлетнего директора Арсентьевского силикатного завода, пришло в прокуратуру из городского суда. На судебном процессе по делу Германенко несколько свидетелей поменяли свои показания в его пользу, возникли также некоторые другие формальные нестыковки в доказательствах – в этой связи служители Фемиды возвратили уголовное дело прокурору города для организации дополнительного расследования. В определении суда указывалось: «устранить возникшие в ходе судебного следствия противоречия не представляется возможным в рамках судебного заседания». По областным меркам Германенко был важной фигурой – он руководил одним из градообразующих предприятий Арсентьевска, на протяжении ряда лет бессменно состоял членом Емельяновского областного комитета КПСС. Директор силикатного завода обвинялся в должностных злоупотреблениях, в хищениях денежных средств и заводского имущества по нескольким эпизодам, в каждом отдельном случае, и в общей своей совокупности хищения эти не тянули на особо крупный размер. Говоря простым языком, Германенко обвинялся в крохоборстве.

Вторым фигурантом по делу была Полховцева, главный бухгалтер силикатного завода. Однако у Полховцевой имелись несовершеннолетние дети, и уголовное преследование в отношении неё было прекращено следователем на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР об объявлении амнистии по случаю сорокалетней годовщины победы в Великой Отечественной войне. Из материалов уголовного дела, которые внимательно перелистал Горовой, было видно: суд перестраховывался – доказательства вины Германенко были достаточно крепкими. И, не будь этот жулик отягощён директорской должностью и членством в обкоме КПСС, то уже катил бы в арестантском вагоне с обвинительным приговором на руках в направлении Сыктывкара, Перми или Воркуты, чтобы с пилой либо кайлом в руках осваивать необъятные просторы Союза, доказывая своё исправление.

Изучая пухлое двухтомное дело, Горовой уяснил, что основной продукцией завода являлись силикатный кирпич и известь, не основной – красный кирпич, щебень, песок. Продукция поставлялась, как правило, предприятиям Емельяновской области. Известь, к удивлению следователя, оказалась весьма востребованной продукцией – она использовалась в строительстве, металлургии, химической промышленности, сельском хозяйстве, а также в производстве силикатного кирпича и в кожевенном деле – и поставлялась во многие регионы союза, где отсутствовали залежи известняка.

Вёл дело следователь Первухин, тот, что сейчас готовился к призыву на армейскую службу. Горового немало удивило его непозволительно трепетное отношение к обвиняемому. Первухин не усмотрел оснований для применения к Германенко меры пресечения, хотя бы в виде традиционного отобрания подписки о невыезде. Но нет – следователь Первухин получил от него лишь письменное обязательство являться по вызовам и сообщать о перемене места жительства. Не слабо! Горовой по всем своим делам, где жуликоватый чиновник обвинялся по нескольким эпизодам хищений и не признавал вины, избирал в качестве меры пресечения арест – чтобы тот не мог помешать следствию или, говоря языком уголовно-процессуального кодекса, не мог «воспрепятствовать установлению истины по делу». Веденеевский прокурор Курзенков, как правило, разделял такую позицию и санкционировал заключение под стражу. Арест на имущество Германенко, а он нужен был для обеспечения взыскания ущерба и возможной конфискации имущества, Первухиным тоже не налагался, хотя причиненный заводу

ущерб не был возмещён. В ходе следствия обвиняемый даже не отстранялся от должности. Стоило ли удивляться тому, что некоторые свидетели в суде поменяли показания, данные на предварительном следствии, коль они продолжали оставаться в подчинении Германенко?

Те, кто думает, что надзирающие за следствием прокуроры своим правом давать согласие (санкцию) на выполнение особо значимых следственных действий (арест, обыск, выемка почтово-телеграфной корреспонденции) разбрасывались направо и налево, глубоко заблуждаются. От следователя требовалось предъявить капитальные доводы, аргументированные документально... не голыми рассуждениями. И это разумно, потому что глупо, к примеру, отдавать такой серьёзный вопрос как заключение под стражу, то есть вопрос содержания человека в неволе, на откуп одному, пусть даже честнейшему и умнейшему, следователю – «тараканы» и пристрастность могут завестись в любой голове.

Так было и в день, когда Горовой пришёл к прокурору города с постановлением об отстранении Германенко от должности.

Прокурор был казённо сух и... неискренен.

– Я не соглашусь с вами, Алексей Петрович, – сказал Угрюмов. – Посудите сами, по окончании следствия мы обязаны отменить эту меру пресечения – так требует закон. От месячного срока на проведение дополнительного расследования у вас осталось всего три недели. Пока наше постановление дойдёт до управления промышленности строительных материалов облисполкома, пока там примут решение о назначении исполняющего обязанности директора завода, согласуют своё решение с министерством – пройдёт немало времени. В остатке мы получим лишь несколько дней, в течение которых Германенко будет без директорских полномочий. Весь смысл отстранения от должности будет потерян, а наши с вами усилия уйдут в песок.

– Но ведь вы можете продлить срок следствия ещё на месяц...

– Ваши соображения – как свести к минимуму влияние Германенко на свидетелей – мне очень даже понятны. Но давайте не будем забывать, что мы с вами блюстители закона, а вот именно законных оснований для продления срока следствия я пока не вижу. Да и вообще, рано пока говорить о каком-то продлении. Работайте, Алексей Петрович, с той диспозицией сил, которую имеете...

– Прошу проставить на постановление вашу отказную резолюцию – в уголовном деле должна быть полная картина моих телодвижений.

– Хорошо, – недобро взглянул на следователя Угрюмов, склоняясь над бумагой. Ему явно не была чужда старая заповедь криминального мира, гласящая «не пиши – когда можешь обойтись словами, не говори – когда можно просто кивнуть, не кивай – когда в этом нет необходимости».

– Если свидетели, поменявшие в суде свои прежние показания, скажут мне, что Германенко грозил им увольнением или чем-то подобным, приду к вам с постановлением на его арест, – продолжал гнуть свою линию Горовой.

– У вас есть такое право...

Идя к прокурору, Горовой намеревался также расспросить его о некоторых нюансах уголовного дела, но желание осуществить это намерение как-то быстро испарилось, и следователь вернулся на рабочее место.

На следующий день, а это была среда, Горовой попытался разыскать следователя Первухина в надежде получить от него разъяснения по всем неясностям. Однако никто из прокурорских работников не знал, в какой из больниц Арсентьевска, а может быть даже областного центра, тот поправляет здоровье – Первухин давно не выходил на связь с коллегами. Скорее

всего, о местонахождении своего следователя был осведомлён прокурор Угрюмов, но он отсутствовал – уехал на весь день в облпрокуратуру сдавать полугодовой отчёт (та ещё канитель).

Горовой обратился к уголовному делу – его интересовали данные о том, кто из сотрудников ГОВД обеспечивал оперативное сопровождение процесса расследования. Таковым оказался старший инспектор ОБХСС Гульчак. К нему и отправился Горовой.

– Несуразности по делу, о которых вы говорите, мне давно видны! – желчно произнёс капитан Гульчак. – Я не в курсе всех нюансов, но одно мне ясно: Первухина осаживал прокурор, а на того основательно жал горком партии. Вы же знаете, как там умеют: подставляться не станут – открыто не потребуют прекращения дела, а будут своими иезуитскими методами капать на мозги и внушать: вы вредите работе предприятия союзного значения, от ваших действий лихорадит трудовой коллектив, вам надо поскорее заканчивать расследование, когда оно только-только началось...

– Всё это так.

– Полагаю, в вашем районе также действует неписаное правило: коммунист не должен представлять перед судом по уголовному обвинению? Вот и у нас, когда следствие было завершено, прокуратура направила в горком соответствующее письмо, извещая о направлении дела Германенко в суд. Дескать, решайте вопрос о его членстве в КПСС. И там решили этот вопрос, но по-своему... На собрание заводской первичной организации, где рассматривалось персональное дело Германенко, были направлены третий секретарь и инструктор горкома партии. Они сагитировали народ не исключать жулика из рядов КПСС. На что рассчитывали наши партийные чиновники, мне неизвестно. Может, им воровство Германенко видится мелкой шалостью. А может, надеются на свои рычаги воздействия на суд, невидимые нам..

– М-да...

– Что планируете предпринимать?

– У меня сейчас главная задача – вывести свидетелей-заводчан из прямой зависимости от Германенко. Вчера я обращался к Угрюмову с постановлением об отстранении обвиняемого от должности, прокурор отказал в санкции...

– А я о чём говорю? Похоже, он обещал «первому» оставить Германенко на свободе и при должности и теперь связан этим обязательством.

– Может быть! А мне что остаётся делать? Буду встречаться со свидетелями. Если они покажут, что поменяли показания под влиянием угроз или уговоров со стороны Германенко, то у меня появятся реальные шансы добиться его ареста. Хотя я очень сомневаюсь, что кто-то с охотой начнёт откровенничать со мной до той поры, пока город не поймёт: чудес на свете не бывает, и флагманы с прогнившим нутром тоже идут ко дну, как все прочие корабли... может, чуть дольше пускают пузыри на поверхность...

– Прокурор вряд ли пойдёт вам навстречу.

– Буду настаивать, а там – будь что будет. Угрюмову тоже нет никакого резона получать дело на дополнительное расследование во второй раз – это отрицательный показатель прокурорской работы, за него по головке не погладят в облпрокуратуре. В крайнем случае, обращусь за поддержкой в следственное управление...

– Вам-то, командированному, какой смысл напрягаться, идти против ветра? – хитровато прищурился оперативник.

– Ну, во-первых, люди, давшие показания против Германенко, поверили в то, что его можно призвать к ответу. Проще говоря – поверили в нас с вами. И пусть не я начинал с ними работать, поднять руки кверху и отдать этих свидетелей на съедение жулику я не могу – это было бы подло. А во-вторых, я не приучен ложиться в дрейф и плыть по течению. Мне привычнее – ломиться против ветра, лезть в бутылочное горлышко и на давление извне – отвечать не меньшим. Наверное, это отцовские гены – он, говорят, при жизни был отчаянным и неуступчивым человеком. Друзья меня предостерегают: мол, с таким норовом быстро шею

себе свернёшь. Да только против собственного естества не пойдёшь. И пока что Фортуна мне чаще улыбается, чем хмурится. Судьба тоже в целом благосклонна, хотя я её не перестаю периодически дёргать за усы и другие, более нежные, места...

– В таком случае вас должны заинтересовать материалы по трём новым фактам хищений, где тот же фигурант – Германенко. Пока уголовное дело находилось в суде, мне из оперативных источников поступила дополнительная информация, я её проверил – подтверждается.

– А подробнее?

– Один из специалистов цеха обжига силикатного завода, Олег Решетиллов, уже много лет увлекается фотоделом. Администрация завода к его услугам прибегает достаточно часто – Олег делает классные фотоснимки, на уровне профессионала – и при оформлении разных заводских стендов ему просто цены нет. В течение двух прошедших лет в летнее время Решетиллов по распоряжению директора завода выезжал в командировку на месяц-полтора в город Владивосток – заниматься вопросами сбыта заводской продукции. Но документы о командировке были ширмой, на самом деле Решетиллов в столице Приморского края «делал деньги» для Германенко, фотографируя за плату отдыхающих граждан на городских пляжах и других местах отдыха. За одну поездку «навар» составлял несколько тысяч рублей. Основную часть заработанных фотографом денег директор клал в свой карман, некоторую часть возвращал Решетиллову в качестве вознаграждения за хорошую работу, хотя за ним ещё и зарплата сохранялась.

– В чём выразилось «хитительство»?

– В том, что для достижения «шкурных» целей Германенко использовал государственные средства, которые были выплачены Решетиллову в качестве компенсации расходов за проезд в оба конца, проживание в гостинице, суточные – и так дважды.

– Понятно.

– А ещё Германенко похитил с новой заводской «Волги» двигатель, который сейчас лежит в его личном гараже. Кроме того, по директорской указке завгар с водителями сняли с заводского «УАЗа» добротный тент, который установили на личный автомобиль Германенко. После того, как двигатель и тент были отвезены домой к Германенко, на заводе были составлены липовые акты на их списание.

– Не позволите взглянуть на ваши материалы?

– Я там ещё кое-что планировал подработать, – ответил Гульчак, вынимая из сейфа стопку бумаг.

Горовой занялся изучением документов.

– Попрошу оперативно подготовить к своим материалам препроводительное письмо на моё имя, я намерен приобщить их к уголовному делу, – сказал Горовой, ознакомившись с документами. – Подъезжайте к четырём часам в прокуратуру – я на это время вызвал Германенко. Хотел познакомиться с ним и потолковать по вопросу возмещения ущерба, а теперь решил подкорректировать свой план – мы отправимся делать у него обыск. Попрошу захватить с собой двух понятых и заводского завгара – надо будет передать ему на ответственное хранение двигатель и тент, если они ещё у Германенко и никуда не испарились...

– Экий вы – быстрый!

– Да у меня времени на долгие раздумья нет! Сроки тают!

На часах ещё не было четырёх, когда в кабинет следователя без стука вошёл рослый молодой мужчина. Своей комплекцией и чертами внешности он напоминал киноактёра Бориса Андреева, снявшегося вместе с Марком Бернесом в фильме «Два бойца», – с той лишь разницей, что привычного андреевского простодушия во взгляде вошедшего не наблюдалось.

– Я – Германенко. Приглашали?

– А я – следователь Горовой, веду ваше дело, возвратившееся из суда на дополнительное расследование. Присаживайтесь, Владимир Стефанович.

– Мне привычнее, когда меня называют Владимиром Степановичем.

– Не вопрос, – согласился Горовой.

– Я вас слушаю, – сказал Германенко, опускаясь на стул.

– Нет, это я вас слушаю! Объясните, по какой причине вы уклоняетесь от возмещения материального ущерба.

– С какой стати я должен лишать себя честно заработанных средств, если я не совершал хищений? Никакого вреда для государства от моих действий нет, одна польза!

– Вам поставлено в вину семь эпизодов хищений государственного имущества – это не баран чихнул! Имеются серьёзные доказательства. А вы мне твердите о своей невиновности.

– Всё ваше дело – фикция, инициированная недостойными людьми. Теми, кто был уволен с завода – за пьянство, за прогул, за недостачу по подотчёту, и теперь горит желанием отомстить мне. Слова этих людей недорого стоят.

– Я читал об этих ваших доводах в протоколе судебного заседания и вот что вам скажу. Не важно – кто инициировал расследование, важно – были ли хищения. Два тома собранных документов говорят против вас. К тому же, среди свидетелей мало тех, кто был уволен с завода, основная их масса – работники известкового завода и люди, мало знакомые с вами.

Горовой вынул из картонной папки лист с машинописным текстом, положил его на край стола.

– Я намерен провести в вашем доме обыск, – объявил он. – Прошу ознакомиться с постановлением.

– А где у вас прокурорский ордер? – прочтя текст, недовольно вскинул голову Германенко.

– Да вы отстали от жизни, ордера сейчас требуются только при заселении жилого помещения...

– Вы не умничайте! – мгновенно завёлся Германенко. – Вот здесь должна быть подпись и печать прокурора! – ткнув пальцем в постановление, пошёл он бульдозером на следователя. – Вы за кого меня принимаете?

Он был прав – текст постановления о производстве обыска был отпечатан на стандартном бланке, в правом верхнем углу которого имелось специальное место для прокурорской подписи и гербовой печати, с соответствующими пояснениями, выполненными мелкими буквами, где должна проставляться подпись, а где – печать. Но прав лишь отчасти...

– Возьмите на полтона ниже, здесь вам не силикатный завод! В неотложных случаях следователь имеет право проводить обыск и без прокурорской санкции, что и имеет место быть – прокурор Угрюмов с утра в отъезде.

– Да я знаю, интересовался у секретаря.

– Имейте в виду, не захотите присутствовать при обыске лично – проведу его в присутствии вашей супруги. Не захочет присутствовать она – приглашу представителя горсисполкома. Вот вам две книги: уголовно-процессуальный кодекс и постатейный комментарий к нему, почитайте статью сто шестьдесят восьмую кодекса и все разъяснения по поводу проведения обыска, а я пока проверю, прибыл ли мой помощник.

К удивлению Горового директор завода также быстро, как взъярился, утих и зашеле-стел страницами юридической литературы. Выглянув в коридор, следователь увидел Гульчака в окружении группы мужчин, они оживлённо разговаривали.

– Мы готовы! – сообщил оперативник. – Заведующая канцелярией предупредила, что у вас Германенко, поэтому я решил не мешать вам и подождать здесь.

К месту проведения обыска добирались не менее получаса – кирпичный одноэтажный особняк Германенко находился в старой части города, вдалеке от многоэтажек. Двустворчатые кованые ворота впечатляли своей красотой и солидностью. За ними просматривался обширный двор, усеянный цветочными клумбами.

У самой калитки следователь остановил Германенко:

– Из постановления вы знаете, что меня интересуют «волговский» двигатель и «уазовский» тент. Предлагаю выдать их добровольно. Тогда б я не стал обследовать всю вашу усадьбу и дом.

– Что так, Алексей Петрович? В доме могут находиться предметы, запрещённые к обороту, – подал голос капитан Гульчак. Настоящий опер – он и в Африке опером останется: «пошмонать» большой и богатый дом ему завсегда интересно, с профессиональной, конечно же, точки зрения.

– Не будем на мелочи тратить своё время, – возразил Горовой.

– Я согласен, – негромко сказал хозяин. – Идёмте к моему гаражу, я всё покажу сам.

На крыльцо вышла высокая статная женщина лет пятидесяти, завязывая на ходу поясок яркого шёлкового халата. Властный взгляд, брошенный женщиной на непрошенных гостей, выдавал в ней хозяйку дома.

– Что происходит, Володя? – спросила она. – Я смотрю в окно: какие-то машины, какие-то люди...

– Это обыск, Зина! Иди в дом, – поморщился Германенко. Голос его при этом слегка дрогнул – видно, следственная процедура и присутствие супруги напрягли его.

– Да, как вы смеете?.. По какому праву?.. Мы – заслуженные люди! – безошибочно угадав в Горовом старшего, попёрла на него женщина, как прут на привокзальный буфет граждане с «горящими колосниками» в надежде разжиться живительной влагой. – Я буду жаловаться в обком...

Понятые, смущённые истеричными выкриками, соляными столбами застыли у калитки, того и гляди уйдут – они люди не подневольные, зачем им эти страсти. Вступать в препирательства с женой Германенко Горовому не хотелось – спорить с распалившейся женщиной бессмысленно, как стричь поросёнка: визгу – много, шерсти – мало. Но и окоротить её следовало немедленно – не даст спокойно выполнять работу.

– Угмоните супругу, Владимир Степанович. Мы не на базаре, – раздражённо сказал следователь.

Германенко держал себя в руках. Лишь по игравшим на скулах желвакам да презрительно-высокомерным хмурым взглядам, которые время от времени он бросал на следователя с оперативником, словно на серых мышей, можно было догадаться о том, что творится в его душе, и как нелегко его властной натуре сохранять выдержку и гордое достоинство.

Германенко молча поднялся на крыльцо, взял жену за плечо и увёл в дом.

Гараж был огромным, на два бокса. В одном боксе стояла сверкающая белизной «Волга» модели ГАЗ-24. Рядом с ней, на бетонном полу под металлической полкой, лежал автомобильный двигатель, накрытый чёрной клеенчатой тканью. В другом боксе стоял тёмно-зелёный «УАЗ», искомый брезентовый тент находился на нём.

– Не так давно мы с сыном решили во время моего отпуска съездить на томские озёра – там рыбалка знатная. А у меня до этого момента на «УАЗе» тент прохудился. Вот и пришлось взять на время заводской, – сказал Германенко. – В ближайшие дни планировал вернуть его на завод...

– Оставьте, Владимир Степанович. У нас ещё будет время детально поговорить об этих вещах. Ваше «временно» что-то больно долго затянулось, второй год идёт. К тому же, при временном заимствовании акт на списание не составляется.

Германенко молчал, крыть аргументы следователя ему было нечем.

Пока Горовой составлял протокол обыска, с силикатного завода прибыл ЗИЛ-130, в который мужчины, поднапрягшись, по наклонным доскам загрузили двигатель, а потом и тент, снятый с внедорожника.

В тот же вечер Горовой подготовил для прокурора информацию о проведённом обыске, как того требовал УПК. Указал имевшиеся основания для его проведения, результаты.

Начальник транспортного цеха Субботин был не молод, на висках и кончиках усов серебрилась седина. Его серые глаза тревожно смотрели на следователя, крупные узловатые пальцы беспокойно ёрзали на коленях. Капитан Гульчак характеризовал Субботина самым наилучшим образом, называл правдолюбом, прямым и однозначным, как ружейный выстрел, человеком, по этой причине Горовой вызвал его одним из первых.

– Вот вы подробно рассказали следователю Первухину, как по приказу Германенко ваши самосвалы вывезли с завода партию неучтённого силикатного кирпича начальнику ОРСа отделения железной дороги, строившему новый дом. Значит, вам, как всякому нормальному человеку, претит воровство и само это жуликоватое племя, – сказал Горовой. – А вот вашего поведения в суде я понять не могу. Чем вас купил Германенко?

– Продажным я никогда не был. Всё было вовсе не так, как вы думаете, – с обидой произнёс Субботин после некоторого раздумья. Было заметно, что слова следователя зацепили его. Так на том и строился расчёт Горового. – Следователь Петрухин и сотрудник ОБХСС так уверенно говорили, что Германенко будет снят с должности директора завода, а он, как видите, директорствует до сих пор. Как-то, после очередной планерки, Германенко попросил меня задержаться в его кабинете. Я, сказал он, когда все ушли, почитал уголовное дело – оказывается, ты меня под монастырь подвести хочешь, а я всегда по-доброму к тебе относился, дочку твою на работу в плановый отдел принял. Не хорошо, не по-мужски, говорит, поступаешь ты, Николай Иванович. На том наш разговор и закончился, он мне ничего не обещал, не грозил. Я перед ним не оправдывался, это пусть он оправдывается перед вами и перед судом – за нахапанное. Работал я как все, никаких поблажек от Германенко не получал: за хорошие показатели – премировался, за промахи, свои и подчиненных, – наказывался, на должность начальника цеха меня назначал не он. За своё будущее я тогда не переживал и сейчас не беспокоюсь – в молодые годы в Новокузнецке по «горячей сетке» изрядный стаж наработал. Переживал за дочку, которая могла потерять работу – Германенко же на это мне прозрачно намекнул. Он и делать сам ничего не будет, просто скажет своим заместителям «Фас!» – их повадки я хорошо знаю...

– Читаю ваши показания по протоколу судебного заседания: «... про неучтённый кирпич мне ничего не известно... в прокуратуре подписал те показания, которые были нужны следователю с оперативником ОБХСС... дал показания под их нажимом... мне грозили тюрьмой». Здорово у вас получается клепать на Гульчака, а он, не далее как вчера, говорил мне, что вы правильный человек...

– Вам со стороны легко судить. Хотел бы я посмотреть, как поступили бы вы сами, окажись на моём месте?

– А давайте мы этот вопрос позже обсудим, когда я со своими вопросами закончу – всё же я здесь следователь, а не вы. Одно могу прямо сейчас с полной определённой сказать: никто и никогда не дождётся, чтобы я уподобился простипоме – в один день сказал о чём-то, а спустя время отказался от своих слов.

– Молоды вы, вот и рассуждаете по-максималистски: окружающий мир видите лишь в чёрных да белых красках, а полутонов, не говоря уже о других оттенках, не замечаете. Послушать бы вас, когда приблизитесь годами к шестидесяти...

Раздался негромкий стук в дверь.

В кабинет вошла озабоченная Любовь Анатольевна, заведующая канцелярией... с объёмной матерчатой сумкой в руках.

– Извините, Алексей Петрович. Не ваш ли посетитель оставил сумку на скамье в коридоре? – спросила она. – К нам люди разные приходят, могут и умыкнуть. Моя дверь всегда открыта, но у меня не десять глаз и за всеми я не в состоянии уследить.

– Мои вещи, – приподнялся со стула Субботин.

Приняв от женщины сумку, он пристроил её у своих ног.

– Мы с женой плохо спали после вашего звонка с требованием явиться в прокуратуру. Супруга приготовила мне сменное белье, шматок сала, насушила сухарей, – признался Субботин, когда Любовь Анатольевна удалилась в канцелярию. – Не малые дети, понимаем, что вы подготовили для меня тюремные нары. Как же: два раза, у следователя и в суде, давал подписку говорить правду, а говорил всё время по-разному, значит, в одном случае солгал. Как говорится, суду всё ясно – ребёнок ваш. Да только я вас не боюсь и за спокойствие своей дочери могу перенести не только арест... В юридической консультации мне объяснили, что больше двух лет тюрьмы мне не дадут...

– Эко вы себя накрутили! – грустно покачал головой следователь. – По лжесвидетельствам решения обычно принимаются после того, как суд ставит окончательную точку в основном деле. А ещё, говоря откровенно, при вашем незапятнанном прошлом и при том раскладе событий, о котором вы только что мне поведали, никому из судей в голову не придёт наказывать вас жёстко...

– Тогда зачем вы меня вызвали?

– Чтобы разобраться в причинах того, почему вы лжесвидетельствовали в суде, и вернуть вас к правдивым показаниям. Только сразу хочу предупредить: мне этого мало, хочу, чтобы вы на очной ставке с Германенко всё сказанное мне подтвердили. Или завибрируете?

– Я подумую,.. сейчас к этому не готов.

– Вольному воля! К тому же, я не планировал проводить очную ставку с Германенко именно сейчас...

– Да я уже рассказывал о своих поездках во Владивосток капитану Гульчаку, во всех подробностях! – заявил Горовому Олег Решетилов, тридцатипятилетний мужчина чудаковатого вида, с бесцветными глазами, полускрытыми дымчатыми стеклами очков, сутулой спиной и торчащими вверх непослушными рыжими волосами.

– Придётся повторить свой рассказ. То были письменные объяснения, а сейчас – свидетельские показания под протокол, с официальной записью о том, что вы предупреждены об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний.

– У нас на заводе многие работники знают о моём увлечении фотоделом. Знал об этом и наш директор. В июне 1983 года, два года назад, он вызвал меня и стал сетовать на то, что на завод для переговоров и налаживания деловых контактов периодически приезжают представители других предприятий, из области и из-за её пределов, а принять их, организовать приличный отдых, с культурной программой, не на что – министерство в финансовом плане не предусматривает расходов на эти цели. Он сокрушался, что предприятие теряет лицо, потому что обходиться без хорошего приёма представителей – не современно. Германенко сказал, что он нашёл выход и предложил мне отправиться в месячную командировку во Владивосток, где в частном порядке поработать фотографом в местах летнего отдыха населения. Мне были обещаны сохранение заработной платы, выплата суточных и компенсация всех прочих командировочных расходов. Я согласился. Документально мои поездки оформлялись как командировки на Владивостокский кожевенный завод, куда мы периодически поставляли известь. На кожевенном заводе мне делали отметки в командировочном удостоверении, проставляя дату прибытия и открытую дату убытия. Приезжая во «Владик», я делал снимки отдыхающих на городских пляжах, у санаториев «Океанский», «Амурский залив», «Золотой берег», у музея Тихоокеанского флота. В центре города работал редко – там хватало местных фотографов. В первую поездку заработал две тысячи четыреста рублей, из которых четвертую часть директор мне вернул как премию. Во вторую поездку, она была подольше – три тысячи двести рублей, в качестве премии получил восемьсот рублей.

– И что, вас ни разу не тормознула милиция? Патрульно-постовая служба не высказывала претензий по поводу извлечения нетрудовых доходов?

– Было дело. Но я показал командировочное удостоверение, сказал, что фотоснимки делаю параллельно основному производственному заданию, они требуются предприятию для оформления стендов. Больше вопросов не было, меня оставили в покое. На случай непредвиденных инцидентов с милицией Владимир Степанович дал мне домашний телефон своего родственника, работающего в краевом УВД. Но мне не пришлось воспользоваться этим телефоном – не было необходимости.

– Подождите немного – я запишу то, что вы рассказали.

– Я одного не пойму, из-за чего весь этот сыр-бор? Пусть не были соблюдены бухгалтерские формальности, но действовал директор, и я вместе с ним, во благо предприятия...

– Это вы так считаете. Но только в тот день, когда вы передавали директору деньги, заработанные фотоделом во Владивостоке, они оказывались на сберкнижках Германенко – у меня имеются выписки из его лицевых счетов. Правда, денежные суммы чуть меньше тех, которые вы называете.

– Всё верно. Владимир Степанович помимо премии оплатил мне расходы на приобретение цветной фотоплёнки и химреактивов, их было потрачено немало...

Пятница была днём очных ставок.

Планируя проведение нескольких очных ставок в один день, Алексей хотел массированным наступлением на позиции обвиняемого поколебать его психологическую устойчивость и настроенность отрицать всё и вся. Кроме того, следователь считал: перед хладнокровным и наглым Германенко свидетели будут чувствовать себя гораздо увереннее, если увидят, что они не одиноки.

А свидетели не горели желанием участвовать в очных ставках. Человек так устроен: пока жареный петух в темечко не клюнет, пока лично у него не возникнет проблем – сознательности минимум. Логика рассуждений при этом проста: ты – следователь, ты и воюй с расхитителями госсобственности, доказывай их вину, но при этом не мешай мне своими докуками мерно плыть по течению жизни.

Горовому пришлось предварительно с каждым из свидетелей поговорить, объяснить необходимость и важность этого следственного действия, настроить психологически.

Время потратил не зря – очные ставки прошли предсказуемо.

Когда рабочий день закончился, неимоверно уставший Горовой отправился на железнодорожный вокзал, где сел в проходящий поезд и уехал в Веденево, по которому изрядно соскучился. К тому же, рассчитывал получить в районной прокуратуре свою заработную плату и пополнить иссякшие финансовые запасы – скромных денег, выдаваемых на командировочные расходы, не хватало, а бухгалтерия областной прокуратуры, забыв об имевшейся договоренности, перечислила зарплату не по месту его пребывания, а в Веденево.

Утро в понедельник выдалось тихим и солнечным, день обещал быть жарким.

Горовой, вернувшись из Веденево в Арсентьевск, с небольшой сумкой в руке шёл с вокзала в прокуратуру.

– Алексей Петрович, с приездом! – окликнула его Любовь Анатольевна, заведующая канцелярией прокуратуры – она так же, как и Горовой, спешила на работу. – Вы ж ничего не знаете! Германенко Владимир Степанович застрелился... сегодня его похороны – по городскому радио объявили...

– Как это, застрелился?

– В пятницу, едва вы ушли на поезд, в приёмную прокуратуры влетел молодой мужчина. Повышенным тоном интересуется: «Где ваш следователь?». Рабочий день закончился,

и я собиралась домой – была уже одета и складывала корреспонденцию для отправки, чтобы по пути занести её в почтовое отделение. Отвечаю ему, что вы поехали домой и сейчас, вероятно, садитесь в поезд. «Это что же получается? Довёл моего отца до самоубийства и бежал?» – взревел мужчина. Я не могу ничего понять... В приёмную вышел Угрюмов – он всё слышал, так как я, уходя, всегда открываю нараспашку дверь в его кабинет. «Кто вы такой? Почему шумите?» – спрашивает прокурор. Незнакомец, которого спокойствие Угрюмова, похоже, ещё больше распалило, отвечает: «Я – сын Германенко Владимира Степановича. Он застрелился...». Угрюмов помолчал, потом говорит: «Сейчас я вызову оперативную группу, и мы проедем вместе с вами на место происшествия. Я видел сегодня вашего отца, он приходил к следователю на очные ставки... Соболезную вам, но советую не разбрасываться словами – Алексей Петрович Горовой свою работу знает и выполняет её как положено. И ещё: он по характеру – кремень... такие не побегут...».

– Так и сказал? Мне представлялось, Угрюмов другого обо мне мнения.

– Да, так и сказал: «скорее вы побежите от Горового, чем он от вас».

– Слаб оказался Владимир Степанович! Не в своих амбициозных предков пошёл...

– Как это?

– Германенко в разговоре обмолвился, что у его отца были польские корни...

Почистив запылившуюся в долгой дороге одежду, сполоснув под краном лицо, Горовой отправился к прокурору – тот находился на рабочем месте.

– У Германенко на чердаке бани хранилась незарегистрированная малокалиберная винтовка. Придя от вас в расстроенных чувствах, как рассказала его супруга, Владимир Степанович тайком достал винтовку и там же, в предбаннике, выстрелил себе в подбородок. – сообщил Угрюмов следователю. – Чем вы его так проняли?

– Мне же надо было проверить свидетелей на вертлявость, а самого Германенко – на прочность, вот я и запланировал на пятницу семь очных ставок. Один свидетель не явился – находился в отъезде, но и шестерых хватило на то, чтобы к концу очных ставок Германенко – он продолжал всё огульно отрицать – утратил свою былую самоуверенность и слегка сник. Оно и понятно – когда люди, среди которых есть и твои подчинённые, в глаза говорят что ты вор, жизненный тонус не повышается. Кроме того, с учётом новых эпизодов размер похищенного приблизился к десяти тысячам рублей. Специалисты ещё не определили окончательный размер похищенного в стоимостном выражении, но впереди реально замаячило обвинение в хищении в особо крупных размерах, со всеми вытекающими последствиями – с более жёсткой санкцией статьи уголовного кодекса и коллегией по уголовным делам областного суда. Германенко ситуацию понимал, так как в пятницу я ему популярно разъяснил складывающиеся перспективы. Чувствовалось, что Германенко не растерял до конца свою совесть и может вскоре заговорить правдиво – не случайно я на вторую половину сегодняшнего дня запланировал ещё несколько очных ставок, рассчитывал дожать его. А он решил всё по-своему – видно привык, чтобы последнее слово оставалось за ним. Жаль человека...

– Как же вы проводили у Германенко обыск, если не смогли обнаружить такой крупный предмет, как его винтовка?

– Я вам докладывал, Германенко сам выдал автомобильный двигатель и тент, которые мне требовалось найти и изъять. После добровольной выдачи необходимость перепахивать весь дом и надворные постройки отпала.

– Все материалы, собранные мной в ваше отсутствие, включая объяснения членов семьи покойного и его предсмертную записку, я намерен передать моему заместителю для возбуждения уголовного дела по факту смерти Германенко.

– Разрешите взглянуть на записку?

– Конечно.

Записка, выполненная карандашом на листе ученической тетради в клетку, состояла всего из одного предложения: «*Николай Матвеевич, Александр Васильевич, я на вас рассчитывал*».

– О ком речь? – любопытствовал следователь.

– Германенко обращается ко второму секретарю горкома партии и начальнику ГОВД... они втроём дружили семьями.

– На что, хотелось бы знать, он надеялся? На то, что эти люди лягут вместо него на тюремные нары?

– Не скажите...

В тот же день Горовой прекратил дело в отношении Германенко, в постановлении указывалось: «в связи со смертью обвиняемого».

Алексей воспринял смерть Германенко болезненно. Внутренний цензор начал доносить его всякого рода вопросами. Только работа, которой по-прежнему было невпроворот, не дала самокопанию превратиться в самоедство.

В конце недели в прокуратуру поступило заключение судебно-медицинского эксперта Пятакова по результатам исследования трупа Германенко. Оно подтверждало самоубийство, и заместитель прокурора города прекратил уголовное дело по данному факту.

Встретившийся в один из дней капитан Гульчак сыпнул Горовому соли на раны:

– А я бы, Алексей Петрович, не преминул заглянуть на чердачок бани, если бы мы взялись проводить полноценный обыск, – неугомонный опер намекал на хранившуюся в чердачном помещении винтовку. – Глядишь, Германенко остался жив...

– Да я уже размышлял над этим обстоятельством. Всё могло быть,.. но я больше склонен считать – малокалиберка была лишь мелкой частностью. Если человек решил свести счёты с жизнью, то он найдёт и другие средства для достижения своей цели.

4

Алексей не спешил – до начала рабочего дня оставалась четверть часа. А всё равно по металлическим ступеням высокого крыльца городской прокуратуры, занимавшей в девятиэтажном жилом доме половину площадей первого этажа, привычно взбежал.

Не было в нём склонности к размеренным и степенным движениям – темперамент был не тот. Мужчины средних лет, имевшие привычку ходить и шевелить верхними конечностями с медлительной важностью царственных особ, – а такие среди его знакомцев имелись, – вызывали у Алексея ироничную улыбку. Сам он привык ходить быстро: по лестнице обычно поднимался вприпрыжку, а если шагом, – то шагал через две ступени. Когда на это обращали внимание окружающие, он отшучивался, ссылаясь на то, что черепашьи скорости надоедают в старости, когда одолеют сердечная недостаточность и нестабильное кровяное давление.

Ускоренный ритм Алексей предпочитал не только в ходьбе: по его разумению, удел следователя сродни судьбе велосипедиста – тот рухнет, когда перестанет поддерживать необходимую скорость вращения педалей, а следователь, не сумевший или не пожелавший поддержать высокий темп работы – потонет в кипе бумаг и ворохах каждодневных забот. У его кабинета сидели две опрятно одетые женщины. Следователь скользнул по ним цепким взглядом: одна – немолодая, уставшая, но с некоторым вызовом во взгляде, другая – совсем юная, с воспаленными глазами, вероятно от пролитых слез или от бессонной ночи, а может от того и от другого вместе.

«К бабке ходить не надо – пришли с заявлением об изнасиловании!» – догадался он.

– Давно вас ожидают, Алексей Петрович, – подала голос техничка Татьяна Ивановна, мывшая пол в коридоре.

Повозившись с замысловатым двойным замком, к которому никак не мог привыкнуть, Горовой распахнул дверь в кабинет.

– Проходите! – предложил он посетительницам.

– Мы приехали из Емельяново. Меня зовут Мигулина Лидия Викторовна, а это – моя дочь Ольга, – заговорила старшая из женщин. – Вчера неизвестный негодяй хитростью заманил мою дочь в глухое место, где избил её и изнасиловал. Потом этот человек, как ни в чем не бывало, вышел на автотрассу, остановил такси и уехал. Я требую, чтобы вы нашли насильника – он должен ответить по всей строгости закона за насилие и надругательство над моей дочкой. Живём мы в Железнодорожном районе областного центра, вначале пошли в наш районный отдел милиции. Однако дежурный объяснил, что нам следует ехать в Арсентьевск, так как всё случилось в его пригородной зоне, и обращаться непосредственно в прокуратуру, потому что именно ваше ведомство ведёт такие дела. Дежурный офицер милиции, спасибо ему, доброму человеку, рассказал, как дочке написать заявление, помог с транспортом, на котором мы и приехали сюда. А здесь уже ваша техничка показала свою грамотность и подсказала, что не обязательно ждать прокурора – он с утра может быть в горкоме партии или исполкоме на каком-нибудь заседании – можно прямо к следователю, то есть к вам, идти.

– Советчики вам правильные попались, вы всё сделали абсолютно верно и обратились точно по адресу. Каков возраст вашей дочери?

– Месяц назад ей исполнилось семнадцать лет.

– Должен с самого начала предупредить вас, уважаемые дамы, что по ходу следственной и судебной процедур от Ольги потребуются присутствие духа: придется проходить обследование у судебно-медицинского эксперта, рассказывать о происшедшем незнакомым людям – следователю и судьям, делать это придется не один раз, причем рассказывать не намеками, а предметно, в деталях. Конечно же, судебное заседание будет закрытым, но и при всём при этом, количество его участников будет приличным...

– Мы предполагали это, и Оля обещала быть мужественной, – Мигулина внимательно посмотрела на дочь. – Нельзя же, чтобы этот мерзавец остался безнаказанным, чтобы ему всё сошло с рук.

– А теперь, Лидия Викторовна, вы нас оставите – я намерен побеседовать с вашей дочерью тет-а-тет. Лично мне вы не мешаете, но ваше присутствие будет смущать и сковывать дочь, а для меня любая мелочь в её рассказе может оказаться важной и полезной в последующих поисках насильника.

Мигулина Ольга поведала следователю о своей беде.

Четвертого августа, в два часа, в Емельяново нещадно припекало солнце, и Ольга в ожидании автобуса спряталась от его палящих лучей в тени навеса на остановке городского транспорта «Кинотеатр «Сибирь». Она только что отстояла длинную очередь в кассу кинотеатра в надежде купить билеты, для себя и подруги Галки, на вечерний сеанс. Одноклассники с восторгом отзывались о шедшей здесь французской кинокартине под названием «Авантюристы», главную роль в которой играл неподражаемый Жан Поль Бельмондо. Билетов Ольге не досталось, но это не испортило её настроения – она купила билеты на следующий вечер.

Весна и половина лета прошли в напряженной подготовке к выпускным школьным экзаменам, а потом – к вступительным экзаменам в политехнический институт. Теперь все волнения позади, буквально несколько дней назад она узнала о зачислении в институт. До начала занятий оставался целый месяц, а это – масса свободного времени, что несказанно радовало Ольгу.

– Милая девушка! – послышалось за её спиной. – Не смогли бы вы уделить мне несколько минут вашего драгоценного времени? – перед ней подобострастно расшаркивался моложа-

вый мужчина – на голове легкая белоснежная кепка, на плече полуспортивная аэрофлотовская сумочка, глаза скрывают модные зеркальные солнцезащитные очки.

– Слушаю вас! – улыбнулась ему Мигулина.

– Я – сотрудник киностудии «Мосфильм», помощник режиссера Павла Евгеньевича Чухрая. В окрестностях города Арсентьевска, отсюда минут пятнадцать-двадцать езды на электричке, мы снимаем лирический фильм. По заданию шефа я направлен сюда, в областной центр, чтобы подыскать подходящую кандидатуру на женскую роль – требуется привлекательная девушка вашего возраста и комплекции.

Ольга с сумасшедшим интересом внимала речам работника высокой культуры.

– Как только я вас увидел, то сразу понял: вот то самое сочетание линий тела, одухотворенной красоты и высокого интеллекта во взгляде, о которых говорил режиссер, ставя мне эту сложную задачу.

– У меня вполне обычная внешность, – закокетничала Ольга, хорошо знавшая о своей привлекательности и привыкшая к знакам внимания и заинтересованным взглядам представителей сильного пола.

– Прошу вас, не возражайте, мне со стороны виднее! Не смогли бы вы проехать к месту расположения съемочной группы и встретиться с Чухраем, он все объяснит. Если Павел Евгеньевич одобрит мой выбор, вы поучаствуете в пробах на роль – это не займет много времени. В случае успеха, а я уверен, что все так и будет, вы смогли бы заработать неплохие деньги. Прошу извинить, что сразу не представился! Меня зовут Кирилл.

– А меня – Оля! И я, пожалуй, соглашусь с вашим предложением!

– Тогда не будем мешкать и отправимся на ближайшую электричку.

Путь до посадочной платформы предстоял недолгий – всего две троллейбусные остановки, поэтому по обоюдному согласию решили проделать его пешим ходом. Проходя мимо гастронома «Юбилейный», Кирилл попросил сделать небольшую остановку и подождать его.

– У вас здесь продают замечательное и полезное, с медицинской точки зрения, вино под названием «Алтын Кёль», по слухам – его делают из плодов облепихи. Павел Евгеньевич о нём крайне лестно отзывается, он попросил произвести для него закуп двух бутылочек. Попрошу самую малость подождать, – озабоченно развел руками помощник режиссера.

К удивлению Ольги москвич не стал входить в магазин, а зашел к нему с тыльной стороны, где пошептался с одним из работавших у заднего крыльца грузчиков, дал ему денег. Вскоре тот вынес газетный сверток с желанными алкогольными напитками.

Кирилл повеселел и всю оставшуюся часть пути увлеченно занимал девушку рассказами о разных пикантных историях из жизни киноартистов.

До места, а это был остановочный пункт «Шатрово», доехали быстро. На посадочной платформе и вокруг неё было безлюдно. Москвич уверенно зашагал по накатанной грунтовой дороге, Ольга не отставала от него. Вскоре свернули в сторону камышовых зарослей, которые пересекала плотно вытоптанная тропинка. Шагали по тропинке ещё около четверти часа.

– Вы не сбились с пути? Тут такая глушь, – забеспокоилась девушка.

– Наша команда расположилась на берегу речного залива, как требуется по киносценарию. Я повел вас короткой дорогой, чтобы не испытывать долго вашего терпения – места не располагают, знаете ли, к прогулкам на ваших каблучках. А сейчас мы почти у цели, идти осталось всего – ничего! – заверил Кирилл. Его деловой, уверенный тон подействовал на юную студентку ободряюще.

Но вот, впереди заблестела вода. Тропинка вывела к небольшой протоке, метров в сорок шириной, перед ней пятючок песка, за спиной и по бокам – заросли камыша выше человеческого роста, перемежаемые редкими кустами, на противоположном берегу – густые заросли ивняка. И вокруг ни души!

– Зачем вы сюда заманили меня? – произнесла Ольга, ошарашенная открытием того, что её обманули.

– Ты уже большая девочка, должна сообразить – мужчине захотелось скрасить свое одиночество и провести время в обществе привлекательной девушки.

– Я хочу домой...

– Будешь послушной девочкой, и у тебя не будет никаких проблем, – ухмыльнулся лжемосквич. – Домой поедем тогда, когда я приму такое решение, а сейчас мы с тобой будем загорать, пить вино – в общем, будем расслабляться...

Кирилл снял сорочку-поло, обнажив мускулистый торс, присел на песок и раскрыл свою сумку. На песке он хозяйственно расстелил газету, на которую выложил бутылки вина «Алтын Кель». Рядом с вином на импровизированную скатерть легли складной стаканчик, два яблока, плитка шоколада, выкидной нож – извлечённые из сумки предусмотрительным хозяином.

– Сударыня, отведайте божественного напитка! – вручил он Ольге наполненный вином стаканчик и дольку яблока. – А я уж, по-плебейски, хлебу из горлышка...

– Мне не хочется, я всего один раз пробовала вино, но мне не понравилось – у меня от вина мысли расконцентрируются, неприятное ощущение...

– Его для того и пьют, чтобы расслабиться или, как ты говоришь, расконцентрироваться. Пей, не выпендривайся!

Видя, что девушка поднесла вино ко рту, Кирилл тоже несколько раз приложился к горлышку бутылки, опустошив ее наполовину.

Сняв брюки, он скомандовал:

– Сбрасывай свою одежду и располагайся рядом. Да положи сумочку, никто ее у тебя не отнимет.

– У меня нет при себе купальника. Я лучше пойду домой, – жалобно пролепетала продолжавшая стоять девушка.

Кирилл резко вскочил на ноги, хлестким ударом ладони по девичьей щеке опрокинул Ольгу на песок.

– Я сказал – раздевайся! Не зли меня! – процедил мужчина сквозь зубы. – Ты рискуешь остаться здесь навсегда, я могу тебе это устроить.

Его учтивость испарилась как утренний туман, теперь над упавшей и истерично рыдавшей Ольгой возвышалось разъярённое животное. Из упавшего стаканчика на песок пролилось вино, которое девушка лишь пригубила. Ольга начала расстегивать блузку. Юбка упала на песок вслед за блузкой.

Мужчина отхлебнул вина и при виде открывшегося молодого девичьего тела отбросил последние церемонии – опрокинул девушку на песок, рванул резинку трикотажных трусиков...
...После захода солнца стали сгущаться сумерки.

Кирилл неторопливо оделся, сложил в сумку вещи и, не обращая никакого внимания на сидевшую у воды Ольгу, словно её здесь и не было, зашагал прочь.

Наскоро одевшись, девушка поспешила вслед. Изрядно поколесив по камышовым зарослям, не упуская насильника из виду, но и не приближаясь к нему, Ольга, наконец, выбралась на открытую местность, откуда можно было видеть далёкие городские огни. Перейдя железнодорожные пути, вышла к шоссе, соединяющему областной центр с Арсентьевском. Дождавшись, когда маячивший впереди Кирилл уехал на остановившемся по его сигналу такси, Ольга вышла на край дороги и отчаянно замахала руками, прося водителей, нечасто проезжавших мимо автомашин, остановиться и увезти ее в Емельяново. Наконец притормозил старенький «Москвич», в котором ехала немолодая супружеская пара.

– Дочка, не стоит в столь позднее время гулять вдали от освещенных мест, на пьяную шпану можно нарваться, – участливо проговорил водитель, открывая заднюю дверцу и впуская девушку в салон «Москвича». – У нас у самих две дочки, они выросли и разъехались, теперь

одна – в Чите, другая – во Владивостоке. На неделе ждем старшую дочку с внуками, обещала приехать в гости.

От участия незнакомого человека Ольга едва не расплакалась.

Через двадцать минут водитель притормозил у ее подъезда.

Небольшая сумма денег у Ольги имелась, но водитель брать плату за проезд наотрез отказался:

– Нет-нет, может чья-то добрая душа и наших дочек выручит в неурочный час. Вижу ведь, что у тебя какие-то проблемы.

Дверь Ольге открыли встревоженные родители.

Горовой внимательно выслушал потерпевшую.

– Ну как же легко вам, молодым девчонкам, макароны по ушам развесить! – с горечью произнёс он. – Неужели трудно было сообразить, что этот, так называемый помощник кинорежиссёра, вас за нос водит? Это же элементарно! Кирилл называл своего руководителя Чухраем Павлом Евгеньевичем – это вы запомнили. А что, сложно было вспомнить, что у кинорежиссёра Павла Чухрая отец – Чухрай Григорий? Тот, что снял кинокартину «Баллада о солдате»! Значит и отчество у Павла – не Евгеньевич, а Григорьевич...

– Я как-то даже не подумала. А вы откуда это знаете?

– Читаю книги, прессу, телевизор смотрю – короче, определённый кругозор имею... Где сейчас одежда, в которую вы были одеты вчера? На ней могли остаться его следы биологического происхождения.

– Блузка с юбкой – дома, в корзине с грязным бельем, но на них не должно быть никаких следов, Кирилл к ним практически не прикасался. Нижнее белье осталось на берегу, он же его порвал.

– Как жаль, что вы приняли ванну...

– Так ведь я и там, на протоке, несколько раз заходила в воду и смывала с себя следы... его выделений.

Следователь сделал паузу, подбирая нужные слова.

– Совершал ли он с вами половые акты в извращённой, противоестественной форме?

Девушка опустила глаза, по щекам потекли слёзы.

– Не плачьте. Мы его найдём, и ему воздастся, – плеснув из графина воды в стакан, следователь протянул его Мигулиной.

– Было два раза, – не поднимая глаз, со всхлипом произнесла Ольга. – Он схватил меня за волосы и сказал: «Теперь будешь ласкать меня ртом». Я стала вырываться. Тогда он другой рукой взял меня за горло и с такой силой сдавил его, что я стала задыхаться и едва не потеряла сознание. Мне ничего не оставалось... Позднее, я от всего происходящего ужаса впала в какую-то прострацию, мне стало все безразлично, словно это происходило не со мной, мужчина делал со мной что хотел, я уже не сопротивлялась...

– Я вижу у вас припухлость левой щеки, кровоизлияние в склереу левого глаза, кровоподтеки на шее. Это его работа?

– Да.

– Когда мы закончим допрос, вам придётся сходить к эксперту – он осмотрит вас и засвидетельствует побои. Это необходимо.

– Хорошо.

– И ещё, нам потребуется составить фоторобот насильника, чтобы легче было его искать. Вы смогли бы описать его внешность, черты лица нашему эксперту-криминалисту? Там ничего сложного нет: эксперт станет показывать отдельные фрагменты лица, а вы будете говорить, какой из них наиболее похож.

– Я смогу, он у меня до сих пор перед глазами стоит... со своей мерзкой ухмылочкой, – прошептала девушка.

– Теперь посидите в коридоре, мне нужно побеседовать с вашей мамой, – закончив оформление протокола, сказал следователь.

Расспросив Мигулину-старшую, Алексей Петрович убедился, что Ольга рассказывала матери о происшедших событиях то же, что и ему. Это обстоятельство повышало доверие следователя к словам потерпевшей – особы, которые из чувства мести, обиды или из меркантильных соображений передёргивали и искажали важные для следствия факты, не были большой редкостью.

– Техничка сказала, что по стечению обстоятельств оба следователя городской прокуратуры одновременно оказались на больничной койке, а вы здесь временно...

– Да, это так. Я работаю следователем прокуратуры Веденеевского района, прокуратура области на неопределенное время командировала меня сюда, – сказал Горовой.

– Можно ли рассчитывать на то, что вы найдёте насильника?

– Мы с оперативными работниками милиции постараемся это сделать. Я, конечно, не кудесник, но до сих пор мне удавалось справляться со своей работой.

– Короче говоря, безнадёга, – тоскливо произнесла Сигулина. – Как вы, следователь из сельской глубинки, найдёте его в таком большом городе, как наше Емельяново?

«Что за день такой сегодня? Одни суслики распускают язык, другие – строят из себя знатоков сыска...» – начал злиться Горовой.

– Безнадёжно – это когда на крышку гроба падают комья земли, все остальное можно поправить, – хмуро взглянул Алексей на Сигулину – никому не понравится, когда дилетанты начинают строить из себя умников и лезть в его работу. – Я еще не начал поиски, а вы уже предрекаете мне фиаско. Смею вас уверить – методы раскрытия преступлений в селе точно такие, как и в городе. Кстати, у меня уже имеются некоторые соображения относительно того, как искать насильника, но обсуждать эти соображения я буду не с вами, а с уголовным розыском.

– Мы можем ехать домой?

– Нет. Сейчас я составляю постановление о назначении судебно-медицинской экспертизы, и вы с этим постановлением пойдете к судебному медику, он осмотрит вашу дочь, даст своё заключение по телесным повреждениям – экспертное отделение недалеко отсюда, адрес я вам сейчас напишу. Я же в это время порешаю необходимые вопросы с оперативными работниками угрозыска.

– Разрешите нам после экспертизы поехать домой. Мы очень устали...

– Я вам сочувствую, но после прохождения экспертизы вы должны вернуться сюда. Мне необходимо выехать в район железнодорожной платформы «Шатрово» и провести осмотр места происшествия. Без участия вашей дочери мне не обойтись, потому что никто кроме нее дорогу к месту событий показать мне не сможет. Откладывать проведение этого следственного действия на потом – чревато, дождь и ветер могут вмиг уничтожить следы, и без того прошло изрядно времени. Я понятно объяснил?

– Да-да, мы потерпим.

Как ни убеждал Горовой начальника отдела уголовного розыска Руденского выделить для работы по свежим следам двух оперов, тот был непреклонен:

– Да ты пойми, Петрович: я бы и сам с интересом поработал по этому артисту, но нет у меня такой возможности. Не беспокойся, Кокин справится, он парень ушлый. Двух сотрудников я никак выделить не могу, оперативная обстановка не та – лето на дворе... Я и Кокина снимаю с работы по серьезному происшествию, связанному с грабежом, – недовольно ворчал Руденский. – Оперативную машину со связью я ему выделяю, если дойдет дело до задержания

насильника, то милиционер-водитель Демченко поможет, он не первый день замужем – опыт за плечами немалый. Я в свое время с ним в разных переделках побывал...

Работник розыска Павел Кокин был молод, плечист, на лице цвела жизнерадостная располагающая улыбка. Он внимательно слушал Горового, пересказывающего невеселую историю Мигулиной Ольги, делал записи в рабочем блокноте, изредка задавал уточняющие вопросы.

– Я, по первым прикидкам, вижу две ниточки, потянув за которые, можем выйти на насильника, – излагал свой рабочий план Горовой. – От железнодорожной платформы «Шатрово» лже-киношник уехал в Емельяново на такси. Если плотно поработать в таксопарках областного центра – судя по телефонному справочнику их всего два – сможем выйти на водителя, совершавшего перед полуночью поездку из Емельяново в Арсентьевск и назад. У таксистов память цепкая – можем установить место, где сошёл насильник, а значит, будем знать район его обитания. Если подфартит, узнаем про дом, в котором, он живёт...

– Через таксопарки путь долгий, но перспективный... Что скажете насчёт второй ниточки?

– Вчера «киношник» в Емельяновском гастрономе «Юбилейный», что на площади Революции, с легкостью, через служебный выход, приобрел вино с замысловатым, нерусским названием. Помог ему в этом один из грузчиков магазина. Объяснять не надо, при тотальном дефиците алкоголя быстро приобрести вино в городе сложно. Сдается мне, что насильник знаком с кем-то из бригады грузчиков, работавших вчера в гастрономе. Стоит потолковать с грузчиками – можем выяснить, на какой почве замешано это знакомство: родственник, живёт по соседству или выгодный клиент, который часто обращается и хорошо платит за услугу. В любом случае мы можем поиметь от грузчиков полезную информацию о персоне разыскиваемого.

– Можете уточнить время, когда насильник сел в такси?

– Что-то около полуночи, более точно сказать не могу.

– С недавних пор весь транспорт, въезжающий в Емельяново в ночное время, то есть после двадцати четырёх часов и до шести часов утра, обязан проходить регистрацию на КП ГАИ.

– Я этого даже не знал...

– Велика вероятность того, что водитель таксомотора проходил регистрацию на въезде в областной центр. Надо ехать к гаишникам, они могут упростить наши задачи. Вы едете со мной?

– У меня впереди осмотр места происшествия с участием потерпевшей, не могу его отложить.

– Мне б еще описание этого киношника, и я готов скомандовать: «По коням!».

– По словам девушки, он чуть ниже меня, следовательно, его рост около ста семидесяти пяти сантиметров, блондин, сероглазый, средней комплекции, про черты лица ничего определенного сказать не могу – составлением фоторобота ещё не занимались.

Сделав необходимые записи в рабочем блокноте, оперативник Кокин поднял голову:

– Расходимся?

– На посту ГАИ надо посмотреть сведения о водителе «Москвича», который проследовал в Емельяново через десять-пятнадцать минут вслед за разыскиваемой нами таксомоторной «Волгой». Водитель «Москвича» посадил потерпевшую на шоссе, неподалеку от остановочного пункта «Шатрово», и довез до дома, и мне его нужно допросить – в основу обвинения лягут показания Мигулиной Ольги, значит, её рассказ должен по максимуму подкрепляться другими данными.

– Сделаю, – пообещал оперативник.

– Прошу извинить меня за борзость, но с момента нашего знакомства меня подмывает задать один вопрос – не называли ли вас друзья детства «Кокой»? У меня в детстве был приятель Колька Кокин, так мы дразнили его «Кока в кубе» – по имени, отчеству и фамилии.

– Нет, не называли, – рассмеялся опер. – Конечно, в детстве мы всяко дразнили друг друга, но надолго ничего этого ко мне не прилипало, я был драчливым.

– Мой приятель «Кока» тоже был ещё тот задира и драчун. Где он теперь?

Расследовать половые преступления, как правило, крайне сложно. Они трудно доказуемы, поскольку в большинстве своём совершаются в уединённой обстановке, вдали от посторонних глаз – как говорят криминалисты, в условиях неочевидности. По делам этой категории трудно сохранять беспристрастность. Тут не поможет и выработанный с годами «профессиональный иммунитет» на негатив. Ты же не робот, ты – человек, и не сможешь избавиться от мыслей о том, что потерпевшая, нередко малолетняя девочка – этот человек с исковерканной насильником психикой, а иногда и всей судьбой – могла быть твоей дочерью или сестрой...

Не приходится удивляться, почему насильники так презираемы в исправительных учреждениях.

Следователи не любят дела этой категории. Не любил и Горовой. Но это работа, и она не спрашивает о твоих предпочтениях.

– Товарищ следователь, вы как-то странно проводите осмотр, – сказал один из мужчин-понятых, напоминая великолепием своих пышных усов легендарного командира Первой Конной армии, – вероятно надоело пребывать в роли статиста и безмолвно наблюдать за непонятными ему перемещениями Горового. – Кружите, как ястреб над птицефабрикой...

– Всё идёт по плану, – успокоил его следователь. – Методик проведения осмотра места происшествия много. На открытой местности я обычно использую метод «концентрических кругов». Если бросить в воду камень, то от места его падения начнут расходиться круги – вот и я действую по тому же принципу. Это в любом случае лучше, чем хаотично тыкаться то в одно место, то в другое. У системных действий меньшая вероятность упустить какую-нибудь мелочь, которая потом может оказаться важной...

– Понятно.

– А вам что, доводилось раньше участвовать в осмотрах места происшествия? Погоны носили?

– Носил, но не милицейские, я – отставной подполковник артиллерии. Уже находясь в отставке, несколько лет участвовал в работе городского суда в качестве народного заседателя, не один протокол осмотра места происшествия прочитал. Начальник городского угрозыска Руденский – мой давний знакомый, знает, что я лёгок на подъём, вот и уговорил поехать с вами понятным. Извините, что отвлекаю вас от работы своими вопросами, просто заскучал немного...

Самому Горовому скучать не приходилось...

На песке, в месте, где преступник организовал импровизированный пикник, он обнаружил и упаковал в специальный пакет поврежденное дамское белье, как минимум, на нем могут обнаружиться пото-жировые следы неизвестного.

Чуть в стороне лежала скомканная газета. Следователь расправил её на песке, тыльной стороной ладони разгладил страницы – «Комсомольская правда» трехдневной давности. По верхнему краю первой страницы отчетливо читался фрагмент рукописной карандашной надписи «Угольн 21—19», какие делают почтальоны. Безусловно, упоминалась улица Угольная. Имелась такая маленькая улочка в областном центре Емельяново, в районе автовокзала, знакомая Горовому еще со студенческих лет.

У самой кромки камыша были обнаружены две порожние винные бутылки, видимо, отброшенные преступником за ненадобностью. Еще вчера, согласно рассказу Мигулиной

Ольги, в них плескалось вино «Алтын Кель», чему подтверждением были сохранившиеся на бутылках этикетки. Аккуратно взяв кончиками пальцев одну из бутылок за верх горлышка и дно, Горовой неторопливо повернул стеклянный сосуд по оси, сначала в одну сторону, потом в другую... Рассмотрев в косо падающих солнечных лучах пальцевые отпечатки на стеклянной поверхности бутылки, он удовлетворенно хмыкнул.

– Что вы, Алексей Петрович, всё сам и сам! – с укоризной произнёс эксперт-криминалист, молодой веснушчатый лейтенант. – Обычно работу с папиллярными узорами выполняю я. У вас еще протокол не дописан...

– Привычка, знаете ли... В нашем Веденеевском РОВД штатным расписанием не предусмотрена должность эксперта-криминалиста, поэтому фиксацию следов и прочую криминалистическую работу я привык выполнять самостоятельно, как, впрочем, и наши следователи МВД... Несите ваш криминалистический портфель, доставайте свои приспособы для упаковки вещдоков и пакуйте стеклотару...

– Упаковать – не проблема. А почему бы нам прямо здесь не обработать следы чёрным порошком и не перенести их с бутылок на дактилоскопические плёнки? Зачем откладывать на потом то, что можно выполнить сейчас? Дорога под названием «потом» ведёт в страну «никуда» – любил повторять преподаватель криминалистики у нас, в Хабаровской высшей школе милиции...

– Я с ним полностью согласен. Но в нашем случае мне требуется верняк – несколько хорошо читаемых «пальчиков», пригодных для идентификации, поэтому фиксацию следов лучше выполнить не в полевых условиях, а в стационарных, по возвращении в ГОВД.

– Не сомневайтесь, всё будет сделано в лучшем виде.

Осмотр заканчивался...

– Уважаемые понятия, прошу внимания! Я закончил осмотр, прошу прочесть протокол и подписать его, у вас это не вызовет затруднений – у меня разборчивый почерк. Особое внимание прошу обратить на заключительную часть протокола, где я указываю, какие именно из обнаруженных предметов, я изымаю с места происшествия, на их упаковке вы обязаны поставить свою подпись.

На обратном пути Горовой пребывал в прекрасном расположении духа. Пусть в законе и декларируется, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы, но он-то знал цену добротным объективным, добытым при понятих, доказательствам. Верилось, что по имеющемуся адресу, при наличии фоторобота и примет удастся найти на улице Угольной место проживания преступника, а по отпечаткам пальцев полностью идентифицировать его. «Пальчики» – это лом, против которого сложно найти защиту.

Несколько крупных капель дождя ударили в ветровое стекло, когда они уже были на полпути к Арсентьевску. Послышались глухие раскаты грома.

– Мы вовремя управились, теперь нам дождь не страшен, – улыбнулся пышноусый отставной артиллерист.

По дороге в ГОВД заехали на железнодорожный вокзал, Мигулины сошли – потерпевшая и её мать спешили за билетами в кассу, чтобы ближайшей электричкой вернуться домой в Емельяново.

Эксперт-криминалист обещал к утру подготовить фототаблицы к протоколу осмотра, завершить фиксацию и дактилоскопическое исследование наблюдаемых на винной таре отпечатков папиллярных узоров пальцев рук.

Розыскник Кокин прибыл на контрольный пункт ГАИ, расположенный на въезде в областной центр со стороны Арсентьевска, в начале третьего.

В регистрационном журнале, представленном инспектором дорожно-патрульной службы, он без особого труда отыскал ночные записи о том, что в ноль часов четырна-

дцать минут в Емельяново проследовала автомашина «ГАЗ-24», принадлежащая второму городскому таксомоторному парку. Управлял «Волгой» водитель Лепезин. Спустя двенадцать минут в том же направлении проследовала автомашина «Москвич-412», она принадлежала частнику по фамилии Хватиков, который и управлял транспортным средством. Дежурившие на посту сотрудники госавтоинспекции подсказали адрес таксопарка, интересовавшего уголовного розыск. Они не поленились связаться по телефону с областным управлением ГАИ и по регистрационному номеру «Москвича» оперативно установили место проживания Хватикова.

Старший механик таксопарка, к которому обратился Кокин, объяснил, что водитель Лепезин появится через час с небольшим – у него начинается очередная смена. Сыскарию пришлось подождать. Интерес представителя милиции к таксисту озадачил механика. Видя это, Кокин вынужден был успокоить его и объяснить, что у Арсентьевского уголовного розыска нет претензий к водителю таксомоторной конторы.

Водитель такси Лепезин, хоть и был человеком в возрасте, проблем с атеросклерозом и отсутствием памяти не имел, на вопросы сыскаря реагировал неспешно, но адекватно – без лишних слов он согласился показать дом, у которого высадил полуночного пассажира. Лепезин на такси впереди, Кокин с водителем Демченко на оперативной автомашине гражданской окраски – за ним, проследовали по городу в район автовокзала. На тихой, неширокой улице остановились у старого двухэтажного дома барачного типа, выстроенного из бруса, потемневшего от времени. Попрощавшись с Лепезиным, Кокин огляделся, прочел на углу дома адрес: «улица Угольная, 17». Во дворе дома было безлюдно, не у кого было навести справки. Опер дождался, когда в дверях одного из подъездов появилась пожилая женщина, и обратился к ней за помощью.

– Простите, пожалуйста. Не можете ли вы мне отыскать одного парня, живущего в вашем доме? Он блондин, по возрасту – близко к тридцати годам, ростом чуть выше меня. Весь такой из себя модный, ходит в белой кепке и зеркальных очках, на плече носит синюю аэрофлотовскую сумку...

– Зачем он тебе? – лукаво прищурившись, спросила женщина.

– Поговорить с ним хотел. Он моей младшей сестре проходу не даёт... забодал нас своими телефонными звонками – трубку снимешь, а он молчит...

– Складно ты сочиняешь, голубь! Но меня, старую, тебе не провести! – рассмеялась пенсионерка. – Мог бы сразу сказать, что ты милиционер. Зрением меня бог не обидел, и я вижу, что у водителя, с которым ты приехал, милицейские погоны.

– С вашими аргументами не поспоришь, – развёл руками Кокин.

– Тебе нужен Борис Шкуркин, он живет в первом подъезде, квартира на втором этаже, номера квартиры я не помню, но их входная дверь вторая справа от лестницы, – охотно поделилась женщина. – Только сейчас ты его дома не застанешь, он на работе должен быть, а вот мать его, Светлана Ивановна, может быть дома, она в аэропорту медсестрой работает, где и дежурит по ночам, а днем она обычно дома.

– Спасибо, вы мне здорово помогли.

– А то! Только ты имей в виду, Борька на бандита или вора не тянет, неплохой парень – воспитанный, спокойный. Хотя, кто вас, нынешнюю молодежь, сейчас разберет?

Кокин неспешно поднялся на второй этаж, утопил кнопку дверного звонка.

– Кто там? – любопытствовал из-за двери женский голос.

– Светлана Ивановна, у меня к вам дело.

Защелкал на оборотах отпираемый замок.

– Мне бы вашего Бориса увидеть.

– Да вон он, спит до сих пор как убитый. А ты кто?

– Я из милиции, у меня несколько вопросов к вашему сыну. Он что у вас, нигде не работает?

– Борис, дубина стоеросовая, неделю назад уволился с завода Трансмаш, не устраивает его, видите ли, зарплата! А на новом месте, что он присмотрел, не пожелали его принимать – не ко двору пришёлся, вот теперь баклуши бьет. Младший сын, уходя в школу, сказал, что Борька допоздна где-то проблудил. Сама-то я в ночную смену работаю, в аэропорту, медицинской сестрой, парни мои самостоятельно хозяйуют тут без меня... Случилось чего? Вы же по пустякам не приходите.

– Проводите меня к вашему сыну.

Шкуркина, а вслед за ней и Кокин, прошли в гостиную, где на тахте, разбросав телеса, выдавал носом посвисты спящий молодой мужчина.

– Борис, просыпайся, за тобой милиция пришла, – взволнованно проговорила мать, тряся его за руку. – Чего ты натворил?

Спавшего Шкуркина словно пружина подбросила. Несколько мгновений он тёр заspanные глаза, а затем удивленно таращил их на Кокина.

– Вы кто такой? – ошалело выдохнул он. Во взгляде читалось смятение и неподдельный испуг.

Тут и ежу стало бы понятно, что неизвестный насильник отыскался – возраст, рост, цвет волос Шкуркина совпадали с описанием разыскиваемого человека. Помимо того, Кокин обратил внимание на белую кепку, висевшую на вешалке в прихожей, и синюю аэрофлотовскую сумку, край которой выглядывал из-за дивана – похожие вещи, по словам следователя Горюго, принадлежали насильнику.

– Ну и здоров же ты спать, Шкуркин. Одевайся, поедешь со мной, – жестко скомандовал оперативник. – Я – старший инспектор уголовного розыска Арсентьевского ГОВД Кокин. Попрошу обойтись без фокусов, у подъезда нас ждёт машина.

– Боря, в чем дело? – у матери задрожали губы, в глазах заблестели слёзы.

– Мам, я сам ничего не пойму... Всё образуется... – тихо проговорил Шкуркин, натягивая трясущимися руками футболку.

– Сынок, признавайся! Чего ты натворил?

– Всё образуется, мам...

– Что происходит? Кто мне это объяснит, в конце концов? И почему бы вам не задать свои вопросы прямо здесь? – начала наседать женщина на Кокина.

– Давайте-ка, прекратим препирательства. Мы проверяем одно заявление, есть вопросы к Шкуркину Борису и они ему будут заданы. Никто его в нашем горотделе не съест, людоеды у нас как-то не приживаются, – опер не стал посвящать женщину в истинные причины своего появления, чтобы не накалять обстановку и доставить Шкуркина в угрозыск без лишнего шума и пыли, то есть своими силами, без посторонней помощи.

– Оставили бы вы сына, – просила хозяйка, с мольбой в глазах глядя на сыскаря.

– Не просите, я на службе и себе не принадлежу, делаю что должно, – сурово произнес Кокин. – А ты, Борис, имей в виду: если и дальше будешь глазками в сторону окон стрелять, надену наручники. Вперед! На выход!

Горюгой выходил из кабинета, намереваясь поужинать в ближайшем кафе – через час оно переходило на вечерний, увеселительный режим работы, ужин в это время обошёлся бы значительно дороже. Вдруг зазвонил телефон. Алексей захлопнул дверь и бросился к аппарату.

– У меня хорошие новости! – услышал он в трубке жизнерадостный голос Кокина. – Подходите.

Алексей, обрадованный обнадёживающим сообщением оперативника, позабыл про ужин и поспешил в угрозыск.

С лица Павла Кокина не сходила довольная улыбка, он начал деловито рассказывать об обстоятельствах поездки в Емельяново, сверяясь, время от времени, со своими записями в рабочем блокноте.

– Послушайте, какая смачная у него фамилия – Шкуркин...

– И где он сейчас? – нетерпеливо перебил оперативника Горовой.

– В соседнем кабинете.

– Не сбежит?

– Он под присмотром моего коллеги пишет объяснения, от Тельбуха ему не сбежать.

В дороге я покрутил Шкуркина самую малость... в расчёте на то, что он не пришёл в себя от моего неожиданного визита. У него с первых минут нашего контакта и до приезда в Арсентьевск в глазах отчётливо читались растерянность и немой вопрос: «Как же вы так быстро меня нашли?» – мне представлялось, парень спекся. Да только он не даёт «погладиться»: твердит, что вечер провёл у дамы, назвать её отказывается.

– Павел Валерьевич, позволь, я попробую с одной попытки угадать место жительства Шкуркина. Это улица Угольная, дом двадцать один, квартира девятнадцать?

– Неверно, хотя и очень близко. Шкуркин живет на улице Угольной, в седьмой квартире дома семнадцать. Скучно мне с вами работать. Я надеялся удивить своим точным попаданием в цель, а вы и сами уже многое знаете. Откуда информация по улице Угольной?

– На месте происшествия обнаружил скомканную газету, на верхней кромке которой имеется запись с указанием адреса – такие пометки обычно делают почтальоны.

– Да с этим раскладом вы могли бы его по одним приметам без особого труда найти, стоило лишь выехать на Угольную и пообщаться с людьми. Дома там небольшие, жильцов немного, и они должны друг друга хорошо знать... Я, кстати, видел дома у Шкуркина белый кепок и спортивную сумку, о которых вы говорили...

– А чего же не изъял?

– Ну да, я – за составление протокола изъятия, а Борёк – в окно, и поминай как звали, – возразил оперативник. – Главное то, что я их видел, а изъять – дело несложное.

– Веди меня к Шкуркину, пора оформлять его задержание, а потом – официально объявлять об имеющихся у нас подозрениях и допрашивать.

Горовой и Кокин прошли в соседний кабинет. Сидевший за столом белокурый крепкоопер ловко перевернул лежавший перед ним лист бумаги лицевой стороной вниз, как того требуют оперативные инструкции, и приподнялся, протягивая Горовой руку.

– Как дела? – после взаимного приветствия вежливо поинтересовался прокурорский.

– Как сказать? Так хочется... к кому-нибудь прижаться... поднести губы к уху... и прошептать:... «Одолжи денег до получки!».

– Безденежье – знакомое для меня состояние. – Расхохотался Горовой. – К сожалению, не могу выручить с деньгами.

– Да, это я так, пошутил...

– А это наш «стекольщик» Шкуркин, – хлопнул Кокин по плечу непримечательной особи мужского пола, морщившей лоб, склоняясь с ручкой в руке над листами бумаги. Как видно, занятие по изложению мыслей на бумаге давалось этому человеку не легко, несмотря на хорошо подвешанный язык, способный запудрить мозги юной девице.

– Почему «стекольщик»? – вскинул на Кокина свои невыразительные глаза задержанный.

– Да потому, Борёк, что разбитому тобой стеклу уже никогда не вернуть свою прежнюю целостность – ты же изнасиловал невинную девушку. В прочем, чего это я перед тобой распинаюсь? Все подробности тебе популярно объяснят в зоне, когда «опустят» твой статус до положения «машки» – «стекольщики» там не в почёте...

– Я никого не насиловал.

– Поднимайтесь, Шкуркин, – скомандовал Горовой. – Пришла пора знакомить вас с престелыми изолятора временного содержания. Я намерен задержать вас по подозрению в изнасиловании несовершеннолетней Мигулиной.

– Так ведь я еще не выполнил задание Павла Валерьевича написать собственноручное объяснение о событиях вчерашнего вечера. Мне совсем немного осталось...

– Ничего страшного, письменная история ваших походов от нас не уйдёт. Я думаю вы не сильно огорчитесь тому, что у этой истории будет м-а-л-е-н-ь-к-а-я особенность – писать её теперь станет следователь прокуратуры... в моём лице...

Шкуркин понуро поднялся из-за стола.

– Павел Валерьевич, проводи Шкуркина в ИВС, – попросил Горовой. – Я сейчас зайду на минуту в криминалистическую лабораторию, сообщу эксперту, что мы приготовили ему объект для дактилоскопических исследований, и тоже спущусь в изолятор...

Не успел Горовой записать в протокол необходимые анкетные данные подозреваемого, как в ИВС пришёл эксперт-криминалист. Следователю пришлось уступить ему Шкуркина – сам, только что, просил лейтенанта не затягивать с дактилоскопированием задержанного. Из массивного «дипломата» криминалист извлёк свои причиндалы. Аккуратно налил из стеклянного флакона в пластмассовую ванночку чёрную вязкую мастику. Окуная в ванночку специальный валик, он раскатывал мастику по кончику пальца Шкуркина, а затем плотно прижимал палец к таблице, отпечатанной на стандартном бланке – и так, с каждым пальцем, поочерёдно. Лейтенант работал ловко, профессионально, и много времени у Горового не отнял.

Пока эксперт работал, Горовой составил рукописное постановление о назначении криминалистической экспертизы. Потом начал внимательно разглядывать Шкуркина. В его облике не было ничего примечательного, если не считать форму подбородка, скошенного назад, как у крысы. Что-то похожее Горовой видел недавно во французской киноленте...

На допросе Шкуркин не поднимал головы, непрестанно ползал глазками по кафельному полу. Если и поднимал на мгновение голову, то избегал смотреть в глаза следователю – уводил взгляд в сторону. Признавать себя в роли помощника кинорежиссёра он не спешил. На все вопросы отвечал односложно и категорично: «нет», «не было», «вы меня с кем-то путаете». Подобного рода заявления во всех мыслимых и немыслимых интерпретациях были Горовому хорошо знакомы.

Делать избыточные ссылки на показания таксиста, на другие нюансы Горовой посчитал преждевременным – растрясать имеющийся задел в добытых доказательствах, как охапку сена, на отдельные мелкие травинки, не хотелось.

«Посмотрю, как тебе запоётся, когда я обрушу на твою голову ворох доказательств: предъявление на опознание потерпевшей и таксисту Лепезину, очные ставки, экспертизы, в том числе дактилоскопическую, если конечно всё срастётся по пальчикам на бутылках», – прикидывал следователь.

Подписав протокол, который пока ничего полезного для дела не давал, Горовой собрал бумаги и покинул изолятор временного содержания. Небо над городом начинало темнеть – приближались сумерки.

Хотелось есть. От выкуренных на голодный желудок сигарет горчило во рту, свербило в животе.

Купив в гастрономе пол-литровую стеклянную банку с невзрачной наклейкой «Цыплёнок в собственном соку», бутылку молока и батон хлеба, Алексей отправился в гостиницу.

– Стоять! Лицом к стене! – буднично, без агрессии в голосе, негромко скомандовал конвоир.

Шкуркин прижал лоб к прохладной бетонной стене, ожидая пока сопровождавший его сержант милиции отопрёт решётчатую коридорную дверь изолятора временного содержания. Тоскливо косил глаза в сторону выхода, но и позади были всё те же глухие стены, без окон и солнечного света.

– В первый раз здесь? – видя, как задержанный озирается по сторонам и не решается шагнуть в проём решётчатой двери, полюбопытствовал конвойный. – Всё когда-то случается впервые... А от нищеты с тюрьмой зарекаться нельзя! Не маленький, должен знать эту правду жизни, – философски изрёк он, ведя беседу скорее с самим собой, нежели с заключённым. – Привыкай, по твоей сто семнадцатой статье следаки практически никого не оставляют на свободе. Оно может быть и к лучшему, родственники потерпевшей могут шею свернуть – во всяком случае, я так бы и поступил, случись что с моей сестрёнкой, – сержант-конвоир явно пренебрегал ведомственными инструкциями, запрещавшими вести с заключёнными неслужебные разговоры.

– Вперёд! – сержант распахнул массивную дверь камеры. – Здесь теперь будет место твоего обитания. Постарайся меня без необходимости не беспокоить! Поесть тебе сегодня не удастся – слишком поздно ты к нам поступил, довольственная ведомость на сегодняшний день уже закрыта, и все, кому полагался ужин, получили его.

Шкуркин переступил порог камеры. За спиной глухо захлопнулась дверь, лязгнули запоры, через щели неплотно подогнанной дверной «кормушки» послышалось бряцанье связки ключей в руке удаляющегося сержанта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.